

Шукрулло

ЛИРИКА

СТИХИ И ПОЭМЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
ИМЕНИ ГАФУРА ГУЛЯМА
ТАШКЕНТ—1975**

Уз
Ш95

© Издательство литературы и искусства им. Гафура
Гуляма, 1975 г. (перев.)

С Т И Х И

***

Готов сгореть я и испепелиться,
Коль пеплом буду я тебе нужней,
Готов я даже в землю превратиться,
Чтоб хоть один цветок возрос на ней.

Землею стать! На это превращенье
Готов я, если розой будешь ты.
Готов сгореть, когда мое горенье
Тебе еще прибавит красоты.

* * *

Коль стрелок нет в часах, не все ль равно,
Идут они или стоят давно?
Коль в сердце нет любви, не все равно ли,
Остановилось иль стучит оно?

ТИГРЕНОК

Лежит тигренок на траве примятой,
Он жмурится, теплу и жизни рад,
Халат его лоснится полосатый,
Игрив и добр его лукавый взгляд.

Кладет на лапы голову тигренок.
Лежит, блаженно шурясь, на жаре.
Лежит тигренок, он еще ребенок,
Готовый к ласке и любой игре.

С улыбкой доброю проходят люди,
Но знаю я: пройдет немного дней —
Он станет тигром, сменит шерсть и будет
Еще красивей и еще сильней.

Наверно, был бы очень я счастливым,
Коль знал, что, став сильней во много раз,
Остался он таким же незлобивым,
Совсем не кровожадным, как сейчас.

***

Вот пиала с вином, над нею мотылек
Кружится, думая, что пиала — цветок.
И тонет мотылек, решив, что сел на розу,
Как винный сок порой обманчив и жесток.

***

Любовь порой нас мучала и очень,
Но я с годами стал совсем другой.
О, если б мне вернуть былые ночи,
Отдав за них теперешний покой.

Волнения того и беспокойства
Давным-давно уже в помине нет
О, если б мне вернуть былые ночи,
Сейчас я мог вернуть на склоне лет!

Как я любил! Я волей иль неволей
Все испытал, что было суждено.
Но не было за век мой слаще боли,
Чем та, которая прошла давно.

Как я любил, как мучился бывало,
Но муки юности большое ль зло?
Все то, что было горем, песней стало,
Что было болью — все в стихи легло,

* * *

Коль в силе враг и не твоя взяла,
Что от врага увидишь, кроме зла?
Ждать от врага любви и состраданья,
Что ждать от света лунного тепла.

***

Не тот из нас воистину велик,
Кто видел мир, прочел десятки книг.
Душа людская — шире мирозданья.
Тот умудрен, кто суть ее постиг.

***

Мы на луне отсюда видим пятно,
А может, это чистый водоем.
А человек! Издалека превратно
Выносим мы суждение о нем,
И может быть в нем влагой благодатной
Что издали нам кажется пятном.

★ ★ ★

Родник подроешь — полнится вода,
Подроешь корень — дереву беда.
Об этом вспоминать и сам я должен,
И ты, мой критик, должен иногда.

* * *

Джигит, чье сердце от любви сгорает,
Слов лишних не роняет с языка.
Кто без умолку о любви болтает,
У тех в сердцах любовь невелика.

***

Любовь в сердцах как на стекле узор,
Счищай, скреби, травни — он не сотрется.
Он остается явным до тех пор,
Пока само стекло не разобьется.

* * *

Пусть я не знаю: друг ты или враг,
Присяг не терпит ни вражда, ни дружба.
Коль друг ты, дружба выше всех присяг,
А если враг, в том присягать не нужно,

СЧАСТЬЕ И РАДОСТЬ

Вы говорите: «Счастье что такое?»
«Достичь своей мечты когда-нибудь».
«Но ведь мечта, она не под рукою».
Я отвечаю: «Счастье — это путь».

Вы говорите: «Радость что такое?»
Я отвечаю: «Радость есть покой».
Вы говорите: «Как достичь покоя?»
«Сам думаю об этом день-деньской».

* * *

- Какой нам в детстве день всего черней?
- Тот день, в который матери не станет.
- День юности какой всего страшней?
- Тот день, когда любимая обманет.
- Что нам всего больней на склоне дней?
- Когда умрет наш сын иль дочь увянет.

ЖЕНЩИНЫ

Хоть с женщинами много нам забот,
Но мы не жалуемся и не тужим.
Быть может, солнце иногда и жжет,
Но ведь совсем без солнца много хуже.

Утешься, что поссорился с женой,
Прости ей все, скажи ей слово нежно.
Порою нестерпим в пустыне зной,
Но было так и будет неизбежно.

ВОРОНЫ

На кладбище, в краю моих предтеч,
В тиши, уже ничем не искаженной,
Как будто бы нагар оплывших свеч,
На голых тополях сидят вороны.

Они летели, перед тем как сесть,
Чернея, словно ночи приближенье.
Ужели тем, кто спит спокойно здесь,
Они сейчас приносят утешенье?

И я стою у равнодушных плит.
Стою, пришедший в этот мир убогий.
Из тех людей, кто ныне здесь лежит,
В отроческие годы знал я многих.

Тогда еще я молод был и глуп,
Я не был старикам своим опорой
И на сочувствие был слишком скуп,
Хотя они нуждались в нем в ту пору.

Не часто я при жизни к ним ходил,
А ныне к тем, которых нет на свете,
Иду, туда, где камни их могил,
Хотя и знаю: тем, кто опочил,
Я бесполезен, как вороны эти.

СУМЕРКИ

В час предвечерний ждал я, но украдкой.
Ты не пришла, чтоб были вместе мы.
И понял я: за весь мой век не краткий
Я, равной этой тьме, не видел тьмы.

И снова вечер сумерки сгущает,
Но вот в безлунье появилась ты.
Я и не знал, что в сумерках бывает
Так много света, солнца, красоты.

МОЯ ЗВЕЗДА

Звезда на небе, где черным-черно,
Погаснет, вспыхнув вдруг в созвездьях дальних,
Прочертит след, и кажется — вино
Как будто пролилось из чаш хрустальных.

Людей и звезд я понимаю связь.
Погасла вдруг звезда на звездном поле,
Я думаю: чья доля пролилась,
Погасла чья звезда, кто обездолен?

В полночный час, тревогу затая,
Я думаю о том: где затерялась
Среди небесных звезд звезда моя.
И сколько ей светить еще осталось?

И думаю о том я иногда,
Путь неизбежный понимая ясно,
Коль суждено, так пусть моя звезда
Сверкнет поярче, прежде чем погаснуть.

***

Любовь порой, как облако, легка,
Любовь порою, что гора, крепка.
Гора не пострадает и от бури,
Растает облако от ветерка.

РЕБЕНОК

Не сетуй, друг, не принимай всерьез,
Что говорят, мол, ты еще ребенок,
Что, дескать, дожил до седых волос,
А все еще не вышел из пеленок.

И если это так, ребенком будь,
Сам доходи до сути мудрых истин.
Ребенок, ты не можешь встать на путь
Служенья сильным мира из корысти.

И если ты ребенок, будь таким.
Всю жизнь ребенком быть отнюдь не хуже,
Чем обрести лукавство, став большим,
Чем стать льстецом или нечестным мужем.

Ребенком будь, пускай бегут года.
На беды откликайся с детским жаром.
Умение ребенком быть всегда,
Что в жизни сладостей такого дара?

***

Я до рассвета не засну,
твердя природе: «Что за трудность?
Ты вновь вернула нам весну,
так возврати мне мою юность!..»

ЛЮБИМАЯ

Как описать ее, скажи мне, друг?
О, многие восторженно глазели,
но не воспеть ее лилейных рук,
но не воспеть и этих глаз газели...

Не описать ее, как новизну
весеннего родящегося мира.
Весна прекрасна, но она весну
во всем, гранатоликая, затмила!

Весна — пора надежд, пора любви...
И может, тут сокрыта эта тайна?
Она любовь, созревшая в крови,
звенящей напряженно и хрустально.

Любовь всегда волшебна молода,
она преображает жизнь, ликую...
Так, может быть, я все скажу, когда
газель свою любимой нареку я?

Когда я в самый первый раз приник
к глазам ее, фиалковым, бездонным,
они прохладны были, как родник,
родной родник с его журчаньем добрым!

Но каждый раз — вблизи или вдаль, —
о том сама узнавшая едва ли,
она была загадочней земли,
которую еще не распахали.

Мечтой мечты, наградою наград, —
следуя за ней влюбленным взглядом робко, —
я вижу в ней плодоносящий сад
и белизну бескрайней пены хлопка.

Заметит взгляд — и, как гранат, красна,
и забывает, до чего красива!..
О, как прекрасна, как чиста она,
та, описать которой я не в силах!

* * *

Порой мне снится по ночам змея.
По-разному толкуют сон друзья.
Одни твердят: «Остерегайся! Враг...»
Другие: «Да к богатству сон, дурак!»

Пускай змея укусит наяву,
но лишь бы тот, которого зову
я верным другом, не явился мне
змеей, хотя бы даже и во сне!

***

Захромал я... Пришел мне на помощь
посох магери, — будто бы мало
утром, вечером, в полдень и в полночь
всем помочь ты спешила мне, мама!

Даже посох твой нынче мне нужен,
а тебе — ведь и жизни не жалко...
Только как тяжесть тела обрушить
на кривую и ветхую палку?

С золотым набалдашником тростью
твоей старости я не украсил...
Но сказал кто-то твердо: «Не бойся!
Не сломается. Опирайся!»

Материнское горькое горе
и терпение нес этот посох.
Все, что вынес он, — больше, чем горы.
Так тебя-то он выдержит просто!»

***

Как вспомню юность — вспоминаю мать,
шелк черных кос ее, ко мне склоненных.
Как сладко ее голос вспоминать!
«Капризный мой, ребенок мой, ягненок...»

Медовость слов ее — в моей крови.
Взываю к юности, устав в дороге:
— О, говори же, мама, открыли
моих стихов несовершенных строки!..

Я упиваюсь этим языком,
как родником, что свежей влагой брызнул,
как чистым материнским молоком,
вспоившим мое детство бескорыстно!

* * *

Смотрю со скал на землю, как орел.
Я по тропинке в этот край забрел.
Внизу шумят сады, течет река...
О, отчего так радость велика?!

Чему-то рассмеявшись невпопад,
зачерпываю в горсти водопад,
пью горный холод бело-голубой —
он словно подан в пиале тобой.

Вбираю утра блеск из-под ресниц...
Вот сокол со скалы сорвался вниз —
туда, где рощи солнцем налиты,
туда, где дом твой, сад твой, просто — ты.

Не сокол — моя радость бьет крылом,
с крутой скалы кидаясь напролом,
над полем, над широкой Ферганой,
над целым миром — для тебя одной.

До этих пор лишь в горе и в беде,
мой лучший друг, стремился я к тебе.
Но это утро подсказало вдруг,
что в радости ты тоже — лучший друг.

* * *

Почему ты нынче так печальна, —
ты, едва раскрывшийся бутон?
И в глазах, светившихся венчално,
радость одевается в бетон.

Отчего, о юность в полном блеске,
что во всем прекрасна без прикрас,
так темны, отчаянны и резки
полукружья нежные у глаз?

Красота неверностью убита.
Молча о беде глаза кричат.
Красота, неужто козни быта
навсегда тебя ожесточат?

Нет, не верю в твой конец печальный.
Жажда жизни закипит в крови!
Это — только горький миг прощальный.
Это — только дань былой любви.

Все невзгоды гремя перемелет,
переменит твой погасший лик...
Только тот, кто так страдать умеет,
и в любви, и в радости велик!

* * *

Тот, говорим мы, — лев, тот — тигр,
Взгляните, нет его мощнее!
Но жизнь — не дебри и не тир,
Где зверь — угрозой иль мишенью.

Но человек — не тигр, не лев,
Игрушечный иль настоящий.
Какой тебя охватит гнев,
Коль кинусь на тебя, как ящер!

И, словно пули, из-под век
Зрачки пронзят печалью взгляда.
И крикнут мне: «Ты человек!
Не смеешь зверем быть! Не надо!..»

Какое слово: человек!
Чело и век, вершина, веха.
Что — гордость гор, что — резвость рек.
Что — целый мир — без человека?!

Безумен зверь, безумен ход
Теченья в водоеме неком...
Ты поняла меня? Так вот:
Поверь, я буду человеком...

***

Благословите бога,
не сетуйте, что много
он вам послал забот!
Забот хватает? Значит,
надеждой вам маячит
тот день, что настает.

Стремление к покою —
да что ж это такое?
Работой кровь хмеля,
крутитесь неустанно!
Ведь вам совсем не странно,
что крутится Земля...

***

Опять в этой роще джиды
созрели на ветках плоды.
Они угольками горят.
О чем мне они говорят?

Я перелистаю года.
Цветет молодая джида...
Дарю я любимой цветы.
Я помню об этом... А ты?

Цветы отцвели, но джида
недаром плодами горда.
Они угольками горят,
о вечной любви говорят!

* * *

Их волосы белы и бороды белы,
на них одежды белизны лучистой.
Два старых друга... Все слова малы,
чтобы воспеть величье дружбы чистой.

Два коммуниста... Жизнь связала их.
Сто сорок — вместе им! Вот путь, что
  пройден, прожит...
Но если махалля* увидит вместе их,
то сразу словно бы становится моложе!

Жизнь, полная борьбы, тревоги и труда,
и в старости сердца весенним солнцем греет.
Прекрасно, если дружба вечно молода,
и хоть стареем мы, но дружба не стареет!

---

* квартал, улица

***

Чем маму отблагодарю, —
В долгу всегдашнем перед мамой?
Я жизнь свою ей подарю,
Но мало моей жизни малой.
Растила, не смыкая глаз,
Детей такими, чтоб гордиться!
И сердце каждого из нас —
Ее, великого, частица.
Во всем пожертвовав собой,
Жила лишь нами безнаградно.
А сколько раз вступала в бой
С самою смертью безоглядно!
Не оплатить мне этот долг...
Быть может, лишь ценою жизни,
Когда б отдать ее я смог,
Как мама, детям и отчизне!

* * *

Есть тайна любви. Мы с тобой — заговорщики.
Не вырваться нам из незримого круга.
Мы ищем друг друга невидяше, ошупью —
и, может, поэтому видим друг друга.

Есть тайна любви... «Пусть с тобою останется
она навсегда!» — заклинаю, когда
наградю нам совершается таинство,
с которым любая беда — не беда.

Есть тайна любви — в том, как смотришь ты искоса,
мне тайну любви выдавая едва.
Но если ее вдруг решишься ты высказать,
разрушат слова все, чем тайна жива.

Есть тайна любви — это тайна терпения
и гордости. Гордо терпенье храня,
по лестнице к счастью считаю ступени я,
надеясь, что тайно ты любишь меня!

Есть тайна любви... Мы о ней не трезвонили,
и дробь барабанная нам не нужна.
Причастные к тайне, друг друга мы поняли,
и с радостью нас обручила она.

Есть тайна любви, тайне жизни подобная,
не надо пророчески-скучных зеркал,
где все наперед: и дурное, и доброе,
и пепел несчастий, и счастья накал!

Тебе подарю я всю жизнь. Но не стану я
болтать, что и душу тебе подарю.
Есть тайна любви... Пусть останется тайною
душа, о которой я вслух говорю.

Всю жизнь ты разгадывать будешь ее.
Не в этом ли счастье — твое и мое?

***

Разбудил я сына на рассвете.
Обдувал нам лица теплый ветер.
Вышли в сад, к распаханым газонам,
К саженцам... А сын был злым и сонным.

Мы цветы сажали до заката.
Что-то зажурчало... Вот загадка!
Песенка, арык ли — разбери-ка!
Да ведь нету в цветнике арыка...

Шел мой сын, и песенка простая,
где работы радость золотая
юным сердцем от души воспета,
родила стихотворенье это!

***

Есть волшебство в нехитром венчике
любого малого цветка.
Люблю цветы, они доверчивы,
как нежная твоя рука.

Я не сломаю, не обижу их —
подобия твоей руки.
Яснее завтрашнее вижу я
сквозь слабые их лепестки.

* * *

Я по белому полю на лыжах лечу,
свое сердце простором и снегом лечу.
Снег так светел и чист, так прозрачен простор...
Лес навстречу пушистые ветки простер.

Добегу я до леса и в лес поверну,
хвойный воздух вдохну, окунусь в тишину.
Ах, как здесь хорошо! Ветер замер. Он спит...
Снег скрипит и глаза бриллиантом слепит.

Он на хлопок похож белизною своей,
и от этого мне и родней, и милей.
А зеленые ели над ним
о весне
прошумели, пропели, напомнили мне.

Галки — просто подобия летних скворцов
у скворешен, у их деревянных дворцов...
Вот дубок, чьи листья, словно осень, желты...
О зима, разве знал я, что все это — ты?

Я по чистому снегу на лыжах скольжу,
от всего, что томило меня, ухожу, —
вслед за птицей, что тихо вспорхнула с куста,
за гобой, высота, за гобой, красота.

И опять тишина... Только что-то она
незнакомой тревоги и грусти полна.
А вокруг тот же лес. Или, может, не тот?
Вот и птица как будто печальней поет.

И с чего б это ель пожелтела слегка?
И на небе сошлись пеленой облака...
Да и снег потускнел у меня на глазах:
не брильянты — лицо в непросохших слезах!

Что случилось? Все это, видеть, неспроста...
Ты куда убежала, ответь, красота?
Так внезапно, так странно ушла от меня!
Поманила — и, значит, лгала мне, маня?

Нет, под пристальным взглядом моим — тот же лес,
полный сказочной прелести, полный чудес.
Неужели так быстро пресытился я
твоим даром,
прекрасная сказка моя?

Или, может, обласкан твоей тишиной,
я невольно припомнил о той, об одной...
И поблекли все краски, когда мне виски
болью сжали тиски этой давней тоски...

Или может...

Но тут вышел из лесу дед,
в полушубок одет, бородат и чуть сед.
Поздоровался доброй улыбкой со мной
и пошел себе дальше дорогой лесной.

И мгновенно зима стала прежней зимой,
словно сделалось ей веселее самой!

Серебром запылали снега подо мной,
и от елок повеяло снова весной!

Я разгадку искал, а разгадка проста:
ты пуста, ты мертва без людей, красота.
Русский лес, ты прекрасен,
но лучше вдвойне
с человеком прекрасным, что встретился мне.

Он улыбкой дорогу мою озарил
и тебя, русский лес, мне навек подарил.
Я по русскому лесу на лыжах лечу...
Человека хорошего встретить хочу!

ЖАЖДА И ЦЕПИ

Ни раба не останется в мире однажды.
Хлынут реки в пустыни и степи...
Но останется жажда.
Но останутся цепи.

Подпояшется степь синей лентою влажной:
хочешь — пей, сколько хочешь, а хочешь — пльви...
Но останется в мире великая жажда:
жажда жизни и жажда любви.

~ Мир забудет о днях нищеты и неволи,
чьи запястья — в железных оковах, в крови...
Но останутся цепи: не горя, не боли, —
узы дружбы и узы любви!

* * *

Проходит весна, увядают цветы...
Как жаль умирающей их красоты!
Не тот аромат, очертанья не те...
Цветы, ваша прелесть была в красоте,
но гаснет она, и за нею вослед
вы гаснете... Вот уже больше вас нет...

Проходят года. И заметил вдруг я,
что ты поседела, подруга моя.
Как сетка густая, морщины у глаз, —
им плакать — увы! — приходилось не раз.
Ты в зеркало смотришь, строга и грустна.
Ушла красота — твоей жизни весна.
Ушла, не вернуть... Этот вывод жесток,
И все же пойми меня, ты — не цветок!
Тебя обниму — и опять обрету
твою бесконечную красоту,
любимые губы, что жарче огня,
и сердце, что бьется всю жизнь для меня!

СЕРДЦЕ

Я думал: сердце молнии сродни.
Но молнии, мгновенные огни,
Мрак озарив, бесследно пропадают.
В сравненье с сердцем не идут они!

О сердце, о души людской костер!
Ты озаришь космический простор.
Пылаешь ярче молний и созвездий
Над синью рек, над крутизною гор.

Тебя к далеким звездам вознесли
Богатыри моей родной земли,
Звездой надежды загорись над миром,
Чтоб яркий свет твой видеть все могли.

Потомки,
нашей жизни нет конца:
Не звезды вам сияют, а сердца!

* * *

Грянул гром, и хлынул дождь с небес
На сады, на поле и на лес.
Под дождем деревья моют косы.
Первый гриб на белый свет полз.
Взобралась на сливу детвора:
Коксултан давно собрать пора!
Вымокли до нитки, но хохочут:
До чего счастливая пора!
Ну, а мне напомнил гром весны
Давний отшумевший гром войны.
Сорок первый год,

тобою годы

Юности моей опалены.
Сколько было грома горьких бед!
А потом гремел ты, гром побед.
Майский гром, на гром грозы похожий,
Гром салюта в честь суровых лет!
Детство, детство, пусть одна весна
Громом гроз тебя лишает сна!
Пусть он никогда не прогрехочет, —
Страшный гром по имени война.
Лейся, дождь, весенний гром, греми!
Мой привет восторженный прими.
И цветы, что я садил когда-то,
Влажными руками обними.

* * *

— Что станет с миром в будущем, потом?

— Он славен будет миром и трудом.

— И неужели — ни одной войны?!

— Все войны навсегда отменены...

— А рабство? А неравенство? А гнет?

— Свободно новый человек вздохнет.

— Ну, а такое как понять сумеет,
как с вами быть, рождение и смерть?

— Рождение и смерть — два близнеца,
два символа начала и конца.

Рождаются цветок, поток, листок...

Рожденье — вечной радости исток!

И человек для радости рожден,
но если все ж — увя! — не вечен он,

Пусть не от бед, ломающих хребет,
пусть не от войн, в которых смысла нет,

пусть он горюет только оттого,
что не навек счастливый век его.

* * *

Кайсыну Кулиеву

И старец седой, и мальчишка любой
Всегда говорят без стеснения с тобой.
Мой друг, ты для всех, кто не мелок душой,
Большой человек и младенец большой.

Однажды меня разбудил ты чуть свет.
Стащил карандаш твой

мальчишка-сосед...

Ликую, твердил ты: «Сомнения нет:
Рождается новый хороший поэт!»

А как-то тебе предложил я вина.
Тяжелый бокал осушил ты до дна.
«Увы, не святой я, и пью от души
За то, чтоб навеки исчезли ханжи!»

Не знает твой дом, что такое замок:
Он — замок для тех, кто продрог и промок.
«Прохожий, входи! Гостем будь, пей и ешь.
И знай, никому ты здесь не надоешь!»

Не сетуй на то, что характер твой прост.
Характер твой прост, но таков уж твой пост:
Простые задачи его не просты —
Поэт с человечеством честно на «ты».

Как горный родник с нетерпением его,
Не сходит улыбка с лица твоего.
Она словно лампа, к которой в ночи
Летят мотыльки на живые лучи.

Мы дети природы: пройдем и уйдем...
Останется дом в забытьи молодом.
Но, склоки и сроки столкнув в забытье,
Останутся строки — бессмертье твое.

* * *

Хотел в саду сорвать я розу —
и укололся о шипы.
Поэзия, куда ты в прозу?
О, знать о том пораньше бы!

Горят росинки крови красной,
вгоняя в черную тоску.
Зачем с надеждою напрасной
я руку протянул к цветку?

Но, так безумием влекомы,
что жизнь любовью нарекла,
готовы боль снести легко мы,
какой бы сильной ни была.

Поверь, порыв мой — не угроза
прекрасному в твоей судьбе.
Не отвергай, о моя роза,
руки, протянутой к тебе!

Поймешь ты поздно или рано,
встречая взгляд мой вновь и вновь,
что не шипы — твоя охрана,
а верная моя любовь!

***

Вдоль арыка я сажаю ирисы,
в огороде — кориандр и лук...
Скоро все, что посажу я, вырастет, —
станет так приветливо вокруг!

Красноватая, как грудь дехканина,
ненасытно солнце пьет земля.
Чувствую рукой ее дыхание,
чутким кетменем комки рыхля.

От земного жара стало жарко.
Хорошо!.. Но кто-то, проходя,
процедил, как видно, не шутя:
— Денег, что ль, на перекопку жалко?

Мог бы уж кого-нибудь нанять...
— Денег-то не жаль, но вместе с ними
кто-то — как не можешь ты понять? —
радость дела у меня отнимет!

***

Не обижай, бездумно — обижать
того, кто рядом с ней, когда был молод.
Ведь друг от друга нам не убежать,
к чему ж слова, в которых лютый холод?

Не обижай того, с которым боль
и радость светлой юности делила,
чье сердце переполнено тобой
и тянется к тебе неодолимо.

Еще, как голос матери, в ушах
звучат те дни, которых нет прекрасней:
там школьный двор, там наш родной кишлак,
там жизнь, во всем похожая на праздник.

Не обижай, на помощь призови
страну, где сердце, полное тревоги,
тоскою первой сожжено любви,
впервые страстно отливало в строки.

Измучаешь неверностью — не жаль
ночей бессонных, полных черной муки:
чем хочешь обижай, — не обижай
лишь лживыми словами о разлуке.

Не разлучиться нам, не разрубить
двух жизней, так сплетенных воедино,
что, если голько можно разлюбить,
тогда и жить нам не необходимо!

**Вот я уйду, и, хоть ты и горда, —
за это и люблю тебя, такую! —
как по щербегу юности, тогда
смертельно, безысходно затоскуешь!**

**Кто, седины твоей коснувшись вдруг,
о прожитых годах напомнит дерзко,
но добротой давно знакомых рук
тебе опять на миг подарит детство?!**

**Затем, чтоб это счастье удержать.
не обижай. Не надо обижать!**

Сомнений полна,
хочешь ты, чтобы я доказал
любовь свою...
Что же, еще я не все досказал...
Но если бы даже молчал,
словно я — ни при чем,
кипели б стихи о тебе
в моем сердце ключом!
Решишь испытаньям
суровым подвергнуть меня —
не ведержу их.
Ты права, в нетерпенье вина
и в том, что покорно плетусь
по твоим я следам,
что смысл всех речей
за один поцелуй я отдам!
А может быть, ждешь ты такого —
без всяких грехов...
Но все-то грехи мои, милая, —
пачка стихов!
Будь степью полынной я,
если садовница ты —
просторы мои,
словно сад, взукрасят цветы.
Под взглядом твоим
станут садом цветущим пески...
Не будет тебя —
захиреет и сад от тоски.
Любимая, я ли тебе не признался в любви?
Люби меня!
В лодке любви нашей смело плыви
в бескрайнее море
находок, потерь и разлук
дорогой надежды
под парусом преданных рук!

* * *

Что спорить о верности? Верность — как вера,
великая сила, великая мера.
В нее посвящен я, и вас посвящу,
и ветру ее не задуть, как свечу.

* * *

Провожал соседа я в дорогу:
шум, веселье, разговор без фальши...
А вернулся, мать сказала строго:
«Ох, сынок, держись от них подальше!»

Что-то, значит, было в этот вечер,
в чем не разобрался я, а мама
поняла и мне сказала прямо,
что порою слишком я доверчив.

Не случилось ничего как будто,
зла еще не причинил никто мне,
только сразу стало как-то пусто,
и казалось — в сердце что-то стонет.

Что же делать? Выпить, что ли, с горя?
Только в чем оно-то, это горе?
Вот стою на берегу Анхора,
а тоска перехватила горло.

В душу боль холодным клином вбита.
Не согреть ее и бочкой винной!
Словно это — личная обида,
словно в чем-то я и сам повинен.

Отчего томлюсь в тисках тоски я?
Чем отравлен? Неужели только
тем, что в мире люди есть такие,
от которых холодно и горько?

Я от них еще беды не ведал,
но и у меня — душа живая.
У меня в груди — чужие беды.
Боль чужая мне виски сжимает...

* * *

Люблю с друзьями спорить до утра...
Иные мне в вину вменяют это:
«Давно утихомириться пора!
Не юн...»
«Но что он, возраст, для поэта?!»
Все поучают: «Бога не гневи,
на жизнь учись смотреть трезвей и строже.
Как мальчик, говоришь ты о любви,
а ведь уж сед... На что это похоже?»
На жизнь смотрю я трезво. О любви
когда заговорил с особой силой —
ответил мне — почтенный Хабиби:
(За семьдесят ему перевалило...)
«С молочными зубами я давно
расстался... Пролетели мои весны.
Но поцелуя первого вино,
но вкус любви удержат даже десны!..»

* * *

Как душа человека хрупка!
Помню: воды катила река,
и старик — уж неведомо как —
уронил в эти воды башмак.
Что — башмак? Это, право, лустяк.
Но старик загрустил вдруг... Да так,
словно юность его навсегда
унесла в то мгновенье вода!
Ну, а я, слава богу, — пловец.
Я поймал тот башмак. «На, отец!..»
Как был рад он! И сам не пойму,
чем уж так угодил я ему.
Ах, как мелочи жизни подчас
убивают иль радуют нас...
Как душа человека хрупка!
Мне запомнилась эта река.
Пусть я подвигов не совершу,
одного у судьбы я прошу:
людям чем-то помочь на веку
хоть бы так, как тому старику!

ЛЕТО

Сады, холмы, пшеничные поля
своей расцветкой одарило лето.
Вокруг, куда ни глянешь, вся земля
в его наряды яркие одета.

Оно цветет, чтоб наш осенний той
был весел, изобилен и прекрасен,
чтобы гранат особенно был красен,
чтоб таял ломтик дыни золотой!

На лбу дехканина — жемчужный пот:
устал он от забот и от работ.
Его лицо... но ведь и это —
лицо земли в горячих красках лета!

О, если б не было его труда
и пота крупных, терпких виноградин,
скажите мне, друзья, чего бы ради
я это лето воспевал тогда?!

* * *

...Зря ты этого поэта считаешь простаком.
Ты знаком с его стихами, только так ли ты знаком?
Хвалишь, тонким называешь, говоришь о том, что он
путь к душе людской умеет находить со всех сторон...

Но — не искренне, а просто — выторговываешь ты
право быть причастным тоже к миру чистой красоты.
А поэт глядит с усмешкой... Нет, он вовсе не сердит,
и умом, а не коварством за тобою он следит.

Он-то знает цену слову! Ну, а ты в его глазах
взвешен мысленно на точных человеческих весах.
На крючок нехитрой лести не поймаешь ты его,
не увязнет он в болоте красноречья твоего!..

Много раз ему встречались болтуны, лгуны, плуты.
Не надейся же, бедняга, что его обманешь ты!
Зря стараешься,
                                коварством ум свести с ума спеша.
У него — как на ладони — мелкая твоя душа.

Принимаешь за наивность скромность, веру, доброту...
Он молчит, но все, что нужно, понимает на лету!
У него на суд высокий есть законные права.
Сам ты, миленький, наивен, примитивен, как трава!

**Нет, поэта не обманешь, сердце — лучшие весы.
Понапрасну разливались твои сочные басы!
Спесью с толку сбит, не чуешь простака в себе самом.
Нет, коварству не тягаться с человеческим умом!**

* * *

Солнце стало в небе посторонним,
Гонит тучи ураган-чабан.
На блестящей солнечной короне —
грязный и поношенный чапан.

Катятся дождинки — капли пота,
по лицу и по листу скользя.
С плеч слетела тяжкая забота.
Радуйся, дехканин! Пей, земля!

У МАВЗОЛЕЯ

Борода его снега белей.
Много память его хранит...
Он пришел к тебе, Мавзолей,
И глядит на твой красный гранит.

Очень медленно время течет
За людской притихшей голпой...
Эго — словно большой отчет
Перед временем и тобой.

Эти люди пришли к тебе
И к тому, чей покой хранишь ты,
Полон дум о его судьбе
И старик с головой поникшей.

Старый-старый седой узбек,
Кем почти целый век уже прожит,
Но кто принял ленинский век
И без Ленина жить не может.

Мавзолей, ты взгляни, теплей
Старику от плит твоих красных.
Он пришел к тебе Мавзолей.
Эго — жизнь его, вера, праздник.

ЯНГИЕР

Еще не наступил рассвет,
И даль окутана туманом,
А небо кажется экраном,
Да вот изображенья нет.
Дотлели звезды, и вот-вот
День свой сеанс начнет неспешно.
Что явит он? Здесь степь без вод...
Я предвкушаю: неизбежно
Звон колокольчики прольют,
Пробьют расцвет небес-экрана,
Потом появится верблюд
На пленке плотного тумана...
Пески, горячие смерчи
Все ошутимее, все ближе...
Они мерещились в ночи,
И вот сейчас я их увижу.
Но солнце новый день зажгло,
Как белый лист бумаги — слово,
И надо мною вдруг взошло
Виденье города большого.
Он был реален, как восход,
Он брешь пробил в тумане сером,
Он упирался в небосвод
И назывался Янгиером,
Что значит: Новая земля...
Земля была и в правду новой!

Поля, хлопковые поля
Служили городу основой!
А дальше, строен и высок, —
Лесок: плечом к плечу — деревья.
Они зеленый поясок
Слепили, как стихотворенье.
Как в черный мрак, глядит маяк —
Земли спасительное око, —
Чтобы моряк в любых морях
Не заблудился одиноко.
Так ты сверкаешь, Янгьер,
Соперничая — о задира! —
С самой красой небесных сфер,
С добрейшим светом их светила!
Ну, здравствуй, Новая Земля!
Познаю всю тебя без лени.
Твои хлопковые поля
Меня приводят в изумленье.
Немыслимый, прекрасный сон...
Машина по полям несется.
Они уходят в горизонт
Великою дорогой солнца.
Их не проехать, не пройти.
О море золота и света!
Мне слов, должно быть, не найти,
Чтобы поведать всем про это.
Тот хлопок, что когда-то вез
Здесь караван,
  в сравненье с этим
Всего песчинка — в море звезд.
Ее мы вовсе не заметим!
...Смеркается. И тут и там
Зажглись огни совхозов новых.
Я им в стихах еще воздам,
Воспев людей и юный кров их!
Спасибо, Новая Земля,

За доброту твою и ласку,
За то, что, жить с мечтой веля,
Живую подарила сказку.
За то, что чистой верой вер,
Той неизменной, твердой, давней,
Ты мне сияешь, Янгир, —
Ты будущего свет недальний!

* * *

Всегда всего прекрасней новизна!
Нам старая одежда не нужна.

На что, скажите, ветхий мне чапан,
Который ветер столько лет щипал?

Кто поменять бы на него был рад
Парчовый новый, красочный халат?

Дехканин не пешком пришел к земле —
На голубом чудесном корабле.

Ужель его он бросит, чтоб веками,
Как прежде, хлопок убирать руками?

Назад в свой старый след не ступит лев, —
Пойдет вперед, преграды одолев...

Стихи из новой книги неплохи,
Но лучше и дороже те стихи,

Которые я завтра напишу...
И все ж приду однажды к рубежу,

Который будет многому — итог,
И юных лет стремительный поток,

СОН

Мне приснилось: я умер... Но уши мои
слышат все, что вокруг говорят.
Мне приснилось: я умер... Но видят глаза
весь печальный посмертный парад.

Равнодушны друзья. Ни слезы на щеке!
Ох, устроить бы им нагоняй...
Так-то вы расстаетесь со мною, друзья?
Будто в землю ушел негодяй!

А слова? Разве это прощенья слова?
Лучше б был от рожденья я глух!
Поскорее землей забросайте меня,
не терзайте кошунственно слух!

Забросали землей... И никто, уходя,
не промолвил в последнюю тьму,
состраданием сердце тревожа свое:
«Пусть земля будет пухом ему!»

За какие провинности эта напасть?
В чем пред вами виновен, друзья?
Черных помыслов я никогда не тайл,
упрекнуть меня в этом нельзя.

Я не крал, никого не отправил в тюрьму,
я всегда презирал клевету.
Не обидел котенка — не то что бы там
слабака, старика, сироту.

Так за что же, друзья, вы казните меня?
Почему же при жизни, друзья,
не сказали, что думали вы обо мне,
без утайки, открыто, в глаза?!

Мне приснилось: я умер... Но — жизни хвала! —
это был только сон, только сон.
И растаял мой сон, мой предутренний бред,
но надолго запомнился он.

И пока я живу, умоляю друзей:
не стесняйтесь ругать и бранить!
Но когда я умру, я хочу, чтобы вам
некем было меня заменить.

* * *

Памяти Хамида Алимджана

Я в Джизак приехал на рассвете...
Вот его поля, сады в расцвете,
и белее хлопка надо мной
шанки гор страны моей родной.
Я сюда приехал вспомнить друга...
Показалось вдруг поет округа!
Я смотрю взволнованно вокруг.
Это песня в честь тебя, мой друг...
Это начал петь рассветный ветер —
он меня здесь самый первый встретил.
И цветы урюка шепотком
подпевают каждым лепестком.
Дальше песню подхватили скалы,
а когда над миром солнце встало,
все запело:

        снег, трава, родник...
И передо мною ты возник.
Подошел, позвал ты — и не странно,
что повел в долину Зарафшана.
Со скалы, большой как жизнь поэта,
вижу все великолепье это:
море хлопка...

        Бурная вода...
Мир любви, свободы и труда!
Этот мир, открывшийся мне с кручи,
в честь тебя поет свой гимн могучий.

**Языком цветов, и птиц, и трав,
в свои песни все твои вобрав,
гимн прекрасный устремив в полет,
он тебе бессмертие поет!**

РУССКОЙ КРАСАВИЦЕ

Где ты, где та, в кого влюбился сразу я,
Та, белоликая и синеглазая?

Не думал я, что только раз взгляну
И — присягну перед тобой безмолвью,
И стану стариком за ночь одну,
Который не был озарен любовью.

Чем дольше я смотрел в твои глаза,
Тем больше в сердце море бушевало.
И надо мной в ночи, рассвет гася,
Как белый день, твое лицо вставало,

И думал я, робея все сильнее:
Нет чище лиц и нету глаз синей.

О, сколько я ночей провел без сна!
Был неразлучен образ твой со мною:
И свет души, и лика белизна,
Подчеркнутая глаз голубизною.

С тех пор как ослеплен я был тобой,
Стал цвет моей печали — голубой.

Твои глаза как в строчках передашь?
Нет у стихов еще такого цвета...

Я окунаю в небо карандаш,
Кладу перед собою лист рассвета.

И долго в море синее гляжу,
Твержу твой взгляд, что волны мне напели,
И шепотом лицо твое пишу,
Как белый стих, написанный на пене.

О, стать бы морем цвета глаз твоих.
Или в том море затеряться камнем,
Или упасть слезинкой в этот стих,
Одной слезинкой глаз твоих лукавых!

ПОХВАЛА

Похвала, похвала, похвала...
Закружила, как лист, — ветер осени,
Позвала, за собой повела,
поводила лишь за нос и бросила!

...Эта женщина как хороша!
Что-то девичье, яблочное в стане.
Молод взгляд, и нем играет душа
и, кажись, никогда не устанет!
Восхваляли, хвалили не раз...
И однажды заметили все же:
замутилось сияние глаз
чем-то злым, на нее не похожим...
Все запомнила навсегда,
что запомнить ей было приятно:
мол, ее не коснулись года
и коснутся едва ль, вероятно...
А про то, что давно она мать,
что растит четверых, — разве мало? —
не желала она понимать
и действительно не понимала!
Вырос старший, и дочь подросла,
но до них — никакого ей дела.
Ничего она им не дала,
да и дать ничего не хотела.

И пошло все в семье кое-как...
Похвала, для кого-то ты — благо,
а кому-то — опаснейший враг:
свяжешь так, что не сделать и шага.

Похвала, похвала, похвала!
Закружила, как лист, — ветер осени,
позвала, за собой повела,
поводила лишь за нос и бросила.

* * *

Эй, парень, слушай, что с тобой?
Иль не найдешь, что делать?
Никак перепелиный бой
надумал ты затеять?

Две перепелки, два бойца
для схватки образцовой...
Взгляните-ка на молодца:
он сам — петух бойцовый!

Две молнии — из-под ресниц,
идет походкой бравой...
Как жаль мне этих бедных птиц,
рабов пустой забавы!

Но вот они рванулись в бой —
наскок любой победен!
...Эй, парень, слушай, что с тобой?
Ты от восторга бледен,

ты странной радостью объят,
не понимая, видно,
что парню за такой азарт
должно быть голько стыдно.

Не петушки, что до поры
твоим рукам послушны,
ты сам — их раб, ты раб игры
жестокой и бездушной.

Очнись, бедняга, наконец —
совет мой откровенный.
Не хорохорься, как храбрец:
ты — трус обыкновенный.

Себя и птиц освободи
от грустной, злой личности!
Себе занятие найди,
достойное мужчины.

ПИСЬМА

Письма, гисьма... Откуда? Кому?
Связь сердец, ответ судеб превратных...
Улетая когда-то во тьму
и потом возвращались обратно.

Вас не выбросить, не порвать.
Вы — история целой жизни.
...Был я молод, ушел воевать,
как потребовалось отчизне.

Мать шептала: «Храни тебя бог!»
А невеста: «Я вечно с тобою...»
Письма, письма — вот все, что я мог, —
письма с поля жестокого боя!

Ни неверья, ни страха в них нет,
как и в сердце, любовью объятom.
Письма, письма... За письмами вслед
я вернулся домой в сорок пятом.

Велика была радость родни,
да недолго она продолжалась.
Вновь меня проводили они,
плача, пряча смятенье и жалость.

Мать шептала: «Спаси тебя бог
от пустой клеветы, мой сыночек!»
Что я мог, что сказать я ей мог,
что я мог написать между строчек?

В чем виновен? Поверить нельзя,
что вот так, без вины наказали...
Отчего вы молчали, друзья?
Почему ничего не сказали?

Хоть вопрос, хоть какой-нибудь писк, —
что, мол, знаем его, что, мол, верим...
Хоть один бы решился на риск!
Нет, куда там... Захлопнулись двери.

Что же делать? И как доказать
невинность свою? Может, стоит
человеку тому написать?..
Да, скорей это дело пустое.

Я на фронте прослыл храбрецом,
но ведь это — в открытую драться.
Если б был он и вправду — отцом,
а его, как владыку, бояться.

Годы, медленно вы проползли.
На лице моем, юном когда-то,
вы морщинами, годы, легли...
Но настала счастливая дата.

Возвратился я — правде хвала! —
в дом, где горестно и упрямо
губы сжав, меня мама ждала.
В справедливость верила мама!

...Письма, письма, я вас не сожгу,
не заброшу и не забуду.

На всю жизнь свою сберегу
пожелтевших конвертов груду.

Здесь печаль моя и любовь,
здесь надежды мои и беды.
Здесь и жгучая радость и боль
нашей выстраданной победы!

ОСЕНЬ

Лицо небес укрыли тучи,
день загасив без сожаленья,
как будто занавес опущен
в театре после представленья.

Пичугам не дает усесться
на ветки сумасшедший ветер.
Их грустный писк сжимает сердце..
Смерч вьет из пыли сотни петель,
захлестывающих бездушно
оборванные с веток листья,
еще недавно так воздушно
кружившие в обнимку с высью...
Дождь хлынул, барабаня яро
в настилы, в крыши и в виски,
и вспухло, словно от удара,
зеленое лицо реки.
И все запело, загудело...
И вдруг повеселел закат,
как будто принялся за дело
в застолье лучший музыкант!

* * *

Пускай мы спорим, — что за горе?
Ты вся горишь, я горячусь...
Но истина рождается в споре —
В каскаде искр горячих чувств.

Ты любишь тишину на море,
Я — бурю, уж не обессудь.
Но истина рождается в споре:
Прекрасно море — вот в чем суть!

Тебе по нраву ритмы плясок —
Я это уважать готов.
Ты вся во власти буйства красок
Весенних молодых садов.

А мне не пляски и не краски
Кричаще яркие милы.
Напев, что полон нежной ласки, —
Ужель не стоит похвалы:

Вот я стою над водопадом,
Хотя тебе милей родник...
Не осуждай меня, не надо,
За то, что я — не твой двойник.

Ну разве так уж это плохо,
Что мы — два полюса — вдвоем?

В сердцах у нас — одна эпоха
В многообразии своем.

Пускай мы спорим, — что за горе?
Упрямой будь, строптивой будь.
Но истина рождается в споре.
Что жизнь прекрасна, — вот в чем суть.

ОТЕЦ

Отец земле ребенка предает,
Над маленькой могилой слезы льет.
Как быстро жизни звездочка угасла!
И кто отцовской скорби не поймет?

Он вспомнит, как под тяжестью руки
Младенческие волосы легки.
Но память сына вернуть бессильна.
Бессильный ток тоски пронзил виски.

Не суждено ребенку возмужать,
В руке перо послушное зажать,
Решать задачи, удивляться миру,
О чем-то думать, что-то совершать.

А ты идешь с печальных похорон.
И тихий плач звучит со всех сторон.
Нет у тебя детей, еще ты молод,
Не ранен жизнью и не умудрен.

Еще не ждал ты трепетно в ночи,
Чтоб щелкнули в дверях его ключи...
Теперь ты понял трудный смысл отцовства,
Молчишь, а щеки влажно горячи.

И может быть, впервые до конца,
Не вытирая терпких слез с лица, —
Еще не муж, но и уже не мальчик, —
Ты понимаешь своего отца.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-бай, аллаю-алла!
Я на свет тебя родила,
Но и сам ты на много лет
Для меня родил новый свет.

Баю-бай, аллаю-алла!
Как тебя я, сынок, ждала!
Моей радости нет предела.
Были крылья бы — полетела!

Баю-бай, аллаю-алла!
Все тебе я, малыш, дала:
Мир рассветов, закатов, песен...
Как он ярок и как чудесен!

Баю-бай, аллаю-алла!
Ну, а если сгустится мгла
Над твоей головой, мой милый,
Защитить тебя хватит силы!

Баю-бай, аллаю-алла!
Я не ела бы, не спала,
Только знать бы, что никогда
Не померкнет твоя звезда.

Баю-бай, аллаю-алла!
Без тебя мне жизнь не мила.

Дом — не дом без тебя, родной.
Он чужой, если в нем — одной.

Баю-бай, аллаю-алла!
Ты мне — лучшая похвала.
Мое сердце, душа моя,
Ты, мой маленький, это — я.

Баю-бай, аллаю-алла!
Чтоб счастливою я была,
Ты правдивым расти и смелым,
Не словами заметен, — делом.

Баю-бай, аллаю-алла!
Будет кожа моя бела,
Если совести белый лист ты
Пронесешь через годы чистым.

Баю-бай, аллаю-алла!
Будет старость моя светла,
Если нежность твоя отметит
Бег серебряных сумерек этих.

Баю-бай, аллаю-алла!
Человека я родила,
Настоящего человека —
Гордость матери, сердце века!
Баю-бай, аллаю-алла!..

БЛАГОРОДСТВО И ЗЛО

Он не враг и не приятель —
Он не обидел никого.
И все же мне он неприятен.
Я видеть не могу его.

Ни старику он, ни ребенку
Не сделал доброго вовек,
Но о себе кричит он громко:
«Я — благородный человек!..»

Да, у него достоинств пропасть —
Он гордо голову несет.
Он, правда, вас не сбросит в пропасть,
Но и в беде вас не спасет.

Размост паводком плотину —
Спокойно будет наблюдать,
А погорельцу и полтины
Не пожелает даже дать.

О, нег, он не ползет в пламя,
Услышав даже детский плач.
Он, как святой, живет меж нами
И в то же время он — палач.

На совести как будто пятен
Мы у него не разглядим.

И все же как мне неприятен
Он равнодушием своим.

Гнилой души его уродство
Немало горя принесло —
Тот, кто живет без благородства,
Тот и без зла творит нам зло.

ВОДОПАД

Когда ты грохочешь, вода,
И бьешься о скалы боками,
Я вверх поднимаюсь тогда,
Карабкаюсь с камня на камень.

Скажи мне, зачем с высоты,
Забыв свой исток и начало,
На землю срываешься ты?
Зачем?.. И вода отвечала:

«Чтоб снова подняться наверх
К небесной, сияющей сини,
Я вниз устремляю свой бег,
Ручьями теку по пустыне!

Бегу я журча и звеня,
Свой путь отмечая следами, —
Земля лишь впитает меня,
И я поднимаюсь садами.

Все ниже дорога воды
И в то же мгновенье — все выше:
Меня поднимают плоды,
Росяные листья колышут.

Не тщись ты подняться наверх,
Карабкаюсь с камня на камень,

Ведь в жизни обычно успех
Берут золотыми руками...

И ежели вырастишь ты
Из капли пролитого пота
На почве бесплодной цветы,
То ты уже стоишь чего-то.

За этот твой подвиг земля
Даст крылья для взлета к вершинам...»
Вода растекалась, звеня,
По каменным, горным морщинам.

Гремел, грохотал водопад,
Врываясь и в сердце и в уши.
Я был его грохоту рад,
Я думал о жизни и слушал.

СЛУЧАЙНОСТЬ

Случай слеп, но все в его мы власти —
Может он за нас избрать дорогу;
Иногда он дарит людям счастье,
Иногда несчастье иль тревогу.
Как оно опасно — слово «случай»,
Как оно всегда звучит тревожно.
Я, признаться, если б было можно,
Избегал его на всякий случай.
Но однажды случай стал судьбою —
Принял в жизни он моей участь:
Он меня в тот день столкнул с тобою
И тем самым подарил мне счастье.
Так глядел я на тебя в тот вечер,
Словно на меня свалилось небо,
И расстался я с тобою немю,
Даже не прося о новой встрече.
Случай слеп, но только лишь отчасти —
Может протянуть он даже руку...
Что принес он в этот раз мне: счастье
Или только вечную разлуку?
В жизнь мою вошла необычайность,
И теперь уже я каждый вечер
Ожидаю новую случайность —
Ожидаю повторенья встречи.

ТЫ — ВСЕ

Когда полночною порою,
Подобно молодой луне,
Красой сияя неземною,
Пришла любимая ко мне —
Я и сравнил ее с луною.

Над нами ночь плыла, мерцаая,
Мы были в комнате вдвоем,
И мне сказала дорогая:
«Ты — солнце ясное мое...»
И вот обиделся тогда я.

Зачем так говорит она?
Ужель того не понимает,
Что мысль сравненья не верна:
Ведь солнца в небе не бывает
В тот час, когда царит луна.

А выйдет солнце, и опять
Поблекнет и, растает гочно,
Луны небесная печать.
Вот почему ни днем, ни ночьюю
Друи друга им не повстречать...

Сияй мне солнцем с высоты,
Будь и луной и тропкой млечной,
Будь даже тучкой быстротечной ←
Я стану небом, чтобы ты
Была в моих объятьях вечно.

ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ

На заре я прошел через Красную площадь,
Когда ветер рассветное знамя полощет.
Когда ж солнце ушло за кремлевскую стену,
Караула почетного видел я смену.
То восход, то закат Мавзолеею осеняет —
Бой кремлевских часов караулы сменяет.
И людским рассеченная площадь потоком
Непрерывно гудит, словно провод под током.
Не завися от времени дня или года,
Здесь текут, будто реки, колонны народа.
Словно двигатель вечный, годами, веками,
Будут литься они, колыхая венками.
И стуча, как часы, шагом мерным и четким,
Караул будет так же сменяться почетный,
Эти двое солдат, что застыли у входа,
Представители многих племен и народов.
И стоят здесь не двое, что в форму одеты,
В карауле их больше — все люди планеты.
Тонет площадь в цветах, разноречье и гуле —
Это шар весь земной здесь стоит в карауле.

НА БЕРЕГУ МОРЯ

Шумит, шипит, шуршит волна
И будет так же бить веками
В прибрежный пляж, в шершавый камень,
Закатным золотом полна.
И каждый миг вновь из пучины
Громады волн встают горбом,
Они, как горные вершины,
Покрыты пены серебром.
Валы бегут, гудя тревожно,
Бросая брызги в высоту,
И наглядеться невозможно
На их лихую красоту.
И как он в бурю интересен —
Волн растревоженных полет!
А сколько в море звонких песен?
О чем, о чем оно поет?
Один напев выводит вроде,
Но в нем и смех, и гнев, и грусть.
А сколько разных в нем мелодий,
И не запомнишь наизусть.
О море, как людей тревожит
Твой грозный рев, твой дикий зык
Но разгадать никто не может
Извечный, древний твой язык.

Пусть слов твоих никто не знает,
Но каждый, слушая, поймет,
О чем морская грудь вздыхает,
О чем волна твоя поет.

РОЖДЕНИЕ СТИХА

Из окна смотрел я
На ночной пейзаж —
На пустое море,
На пустынный пляж.

Мне отсюда видно
Было далеко —
Под луною море,
Словно молоко.

Тень скалы на воду
Падала, как меч,
Собираясь море
Надвое рассечь.

А луна блестела
Наверху скалы,
Словно тубетейка
Сверху головы.

И, переливаясь,
К серебру воды

Ниспадали черным
Бархатом сады.

Были немые горы,
Море и луна,
Лишь неслась на берег
С грохотом волна.

Мне вдруг захотелось
Увидать прибой,
Тот, что будит полночь
Гулкою трубой.

Я покинул тихо
Свой второй этаж —
На свиданье с морем
Я пошел на пляж.

Длинной, острой тенью
Я мелькнул у скал,
Все на свете спали —
Я один не спал.

Мерно билось море
Возле ног моих.
И уже из сердца
Поднимался стих.

Он в груди метался,
Как прибой, гудел...

С подозреньем сторож
На меня глядел...

Что я делал ночью
Здесь, в его саду:
Может, я — лунатик
Иль цветы краду?!

Пусть старик припишет
Мне хоть все грехи,
Лишь бы я dokonчил
Эти вот стихи.

О СТИХЕ МОЕМ

«Все поэта знают, любят, чтут.
Ах, какое счастье быть поэтом!..»
Знаете ли вы, что это — труд,
Вечный труд и каторжный при этом.

Пишешь, пишешь, кажется, — успех,
А глядишь, судьба стихов другая.
Разве можно угодить на всех:
Что один хвалил, иной — ругает.

Видно, у стихов удел таков —
А особо у стихов отличных,—
То друзей встречать, а то врагов,
Не встречать лишь только безразличных.

Всем понравиться и не могу:
Угодить — не велика заслуга.
Стих мой — это пуля по врагу,
Стих мой — это и цветок для друга.

Мой читатель, мой народ родной,
Ты в стихах соавтор мой отчасти.
Если стих тебе по нраву мой,
Я скажу, что быть поэтом — счастье.

П О Э М Ы

ТАШКЕНТ, ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

1

Двадцать шестое апреля.

Рассвет.

Уже ночь ушла.

Еще утра нет.

Сон спокоен, как жизнь.

Жизнь спокойна, как сон.

И вдруг...

Из груди города —
стон!

...Или не стон?

Может, это —

взлетела ракета,
самолеты летят на парад,
из пушек палят
в честь рассвета?

Нет, не это.

Ничего не понять!

То ли страх,
то ли смех,
только — общее,
только — у всех.

Завизжало у всех ворот,
криком разжало каждый рот,
на каждых часах пробило,
Но что это было?

Земля расползлась,
   зыбуча,
   ветха,
 летели тарелки, тетрадки..
 Город, спокойный, как века,
 бился в лихорадке.
 Он падал, как разбитый мост,
 ворчал, как старик раздраженный,
 обрушивался во весь рост
 на камни и газоны.
 В арыках металась вода.
 От птичьего гвалта небо дрожало.
 А люди...

Куда убежишь?

Никуда...

И это их на ногах удержало.
 Они стояли, как каркас —
 железобетонный каркас новостройки.
 Может, это и нужно как раз:
 в нестойком мире
 хоть кто-то —
 стойкий!
 Взбесилась природа. Стала врагом.
 Жди подвоха от стен, от пола,
 от всего, что —
                                     под,
   и над,
   и кругом..
 И лишь человек человеку —
 опора.
 Что —
                                     золотые часы,
 что —
                                     чин?!
                                     чин?!
                                     чин?!

На шерстинках ковровых —
капли крови!
Мир состоит из женщин, детей и мужчин,
и важно одно:
их здоровье.
— Все ли здоровы? —
соседи-соседям.

Знакомым — знакомые:
— Все ли живы?

Скорее, скорее тревогу рассеять!

Люди перестали быть чужими.

Землю знобит, знобит...

Но, как милосердный бинт,

возник

всеобщий язык:

замешанный на крови,

единый язык любви.

Телефоны звонят,

голоса звенят —

громче жуткого грома:

— Как дома?

Все ли здоровы?

Все ли живы?..

Люди перестали быть чужими.

3

Солнце взошло.

И оно — все то же.

И небо полно голубого света...

Но вишня никак не уйдет дрожи
и серой пыли стряхнуть не может
с веток.

Так наступил рассвет двадцать шестого.
 И мама прибирала во дворе,
 А голова у мамы в серебре...
 И все же утро снова к ней жестоко.
 Дала метлу невестке.

Теребя

свой старый фартук,

тихо попросила:

— Уговори, попробуй, Тохтасина.

Наверное, послушает тебя...

О, полон наш язык сокрытых сил!

Он мысль и чувство выражает тонко.

«Остановись!», что значит: «Тохтасин!» —

так называют матери ребенка

полушутливо и полусерьезно,

когда в семье уже довольно ртов...

И вот народ — земле, гудящей грозно, —

беззлобно «Тохтасин!» сказать готов.

Ташкент, я сын твой и в беде, как сын, —

с тобой. И мой народ тебя не бросит.

Лишь, словно мать измученная, просит

доверчиво и нежно:

— Тохтасин!..

Земля как будто собралась родить,
 вдруг ощутив толчки в глубинах тихих,
 но заметалась в корчах схваток диких
 и не успела нас предупредить.

И роды неудачные прошли

Вокруг тебя — печальные руины.

Твой дом — еще от прадеда — старинный,

твои воспоминания — в пыли.

В пыли — пиры, и свадьбы, и лета
проказ, ничьим приказам не покорных...
В пыли лежит могильная плита.
Неужто в чем-то виноват покойник?
Тебе, земля, покоя не давал,
топтал тебя, цветами не украсил?
А впрочем, что там... Разговор напрасен...
В пыли верблюд, и глиняный дувал,
и рукописи — тот бессмертный пыл,
который из души вернется в души...
Вернется... Если только не заглушит
безддушная бессмысленная пыль!
Стою с опустошенной душой
у дома, где мне с детства все знакомо...
И уйду от дома. Он — чужой.
Он для меня страшней чужого дома!
Шаги шатки и робости полны.
Боюсь, что, стоит мне ступить потверже,
земля взбрыкнет и понесет, как лошадь,
и сбросит нас со взмыленной спины!
Ты весь сейчас, мой век, — в моей судьбе
и в этом недоверии тревожном...
Ах, надо быть и вправду осторожным,
двадцатый век, ступая по тебе!
Как будто не отеческий, не мой,
он понимает в этот день весенний —
мой город, потрясенный и немой, —
как много ты таишь землетрясений!

6

Землетрясение — бестелесный враг,
нет у него ни мускулов, ни крови.
Что от него спасает? Что укроет?
Земля ореховой скорлупкой — крак!

Когда оно случается —
  ну что же...
Лекарства нет. И, видимо, не будет.
По странам,
  храмам,
  травам,
  нервам —
  дрожь...

Но все же —
что же
  вы молчите,
  люди!?

7

Или ужас вас сделал вялыми?
Помолитесь получше сегодня!
И с посулами, да немалыми,
заклинайте имя господне!
Почему не кричите: «Дод!»¹
Даже если и дом разрушен?
Разве странные ваши души
нынче горе огнем не жжет?
Почему в пыли и в чаду,
черепки ногами пиная,
не безумствуя, не стеная,
просто ходите...
Почему?!

8

Ответа нет. Какая тишина!
Кого я вопрошаю? Нет ответа.
Одни лишь взгляды гневные. И это

---

¹ Караул!

меж городом и мною — как стена.
Я прошибаю стену. Я иду.
Тоскливо мне, и нет конца тоске той.
Мы все сегодня ходим по Ташкенту,
гневясь и вопрошая, как в бреду.

9

А город тихо приходил в себя,
как будто избавлялся от кошмара.
Асфальт подтаял от дневного жара.
Скрипит каток, по улице ползла.
Трамвай по рельсам звонко прокатил.
Запахло кирпичом и близким ливнем...
А кто-то уж, примериваясь к глине,
в ладони вязкий ком ее крутил.
Бежать? Конечно, примут... Но земля,
где предки эти деревца сажали...
Они вдогонку закричат:—Сбежали!
И сердце твердо выстучит: «Нельзя!»
Наружу — скарб. Вся жизнь обнажена.
Так будем жить действительно бок о бок,
совместно и всеобще, как в окопах...
А может, это все и есть — страна?
Да, но страна — страна еще и в том,
что вся она придет тебе на помощь.
Твоя страна... И это ты запомнишь,
чтоб никогда не забывать потом!

10

Я восхваляю мужество. И все же,
открыв его во всем мне дорогом,
я мужеством поэму подытожу,
ну, а сейчас я должен о другом.
Оно пришло не сразу. Да, я знаю —

и говорю об этом напрямик, —
что был, как все, напуган я в тот миг,
что душу вытрясала дрожь земная.
И видел я: одета кое-как,
скакнув в окошко, женщина бежала
и сына годовалого держала —
вот все ее богатство! — на руках.
Обрушивался воплей водопад...
Тот — к матери-покойнице взывает,
а этот просто, словно зверь, взывает...
Была земля в то утро — суший ад!

Потом застыло все, оцепенев
от ужаса. Но тут припомнить важно,
что так порой перед прыжком отважным
вдруг застывает, напряжись, лев.

Одно — печаль, испуг или тоска.
Другое — бегство.

Ты позорно, бегство!
Ташкентскую девчонкой с нами бедствуя,
надежда — бьется жилкой у виска.

11

Боюсь? От истины ты недалек,
Да, мне страшно еще и сейчас,
если стукнется мотылек
об лампочку, к свету мчась.

Если кто-то машину заведет
или ударит гром,
кругом вдруг голова идет
и качается все кругом.
Что хочешь, подумай обо мне,
сделай вывод любой.

Но я не сплю, как не спят на войне:
бой, — понимаешь? —
бой!

12

Что же делать: неделя, вторая...
Горевать, убиваться — все зря...
Под палатками, ими играя,
ходуном заходила земля!
По три раза, по десять на день
нас трясет,

и трясет,
и трясет...

Прожит день. А может, украден?
Что-то завтрашний принесет?..

13

И солнце восходило, как всегда,
и все под ним привычно просыпалось,
хотя и штукатурка осыпалась
и с треском обрывались провода.
А люди, страху заломив рога,
ходили по земле легко и просто
и стали даже, вроде, выше ростом,
все так и не измерив рост врага.
Они садили во дворах цветы,
шутили, книги возвратив на полки,
оттаскивая мусор

и подпорки
таща под виноградные кусты.

По радио твердили, как всегда,
о выполнении плана, о морали,
и все же мы не этим измеряли

итоги ежедневного труда.

Перед рассветом, когда сумрак чах,
в горячий полдень, вечером спокойным,
как будто командирского: «По коням!» —
мы ждали сообщения о голчках.

Ты подошел, в веселых флагах май,
вослед за Первомаем — День Победы...
Казалось, отступили наши беды.
Восславьте же счастливый час, поэты!
Бокал с вином, товарищ, поднимай!

И грянул гром. И это означало —
салют! Итак, возьми бокал с вином...

Но гром салюта снова был — началом...
Опять, земля, ты ходишь ходуном!

14

Как спокойно мы произносим —
«землетрясение»,
а кому-то на голову
крышу сбросило
землетрясение.

Кто-то остался лежать под крышей —
крышкой гроба его прикрывшей.

Землетрясение...

Этот задумался.

Тот плачет.

Землетрясение.

Не успел.

Не выскочил. Вот неудача!

Землетрясение...

А кто-то мчится,
дико крича
и хохоча...

Поверьте, жертвы даром не пропали...
К вам обращаюсь в грозной тишине!

16

Изводит душу тот тоскливый плач,
что слышится из дома по соседству...
Но вдруг... Откуда? словно мячик детства,
мелодия сурная¹ мчится вскачь!

И с гиком, с пляской целая толпа,
одетая в нарядные одежды,
идет в веселом свадебном кортеже,
смеясь и землю пятками лупя!

Весь переулок подняли вверх дном!
Прости, земля, их гордое веселье,
прими в подарок их землетрясение,
поздравь их, потрясенно, с этим днем.

17

Толпа ушла. Вновь — тишина. Вот ночь
плывет, неся неведомое что-то.
Но кажется, что можно превозмочь
тебя, непоборимая забота!

Ты все звучишь в ушах моих, сурнай,
увещевая ласково и строго:
«Здесь все — твое, здесь все тебе — до гроба,
живи, борись и чести не роняй!»

---

¹ Узбекский деревянный духовой инструмент, напоминающий флейту.

Да, весь я — здесь. Здесь все, что ты —
страна,

от свадебной пирушки до базара...
Сурнай умолк. Но ты еще слышна,
веселая мелодия яр-яра...

«Жених приходит в дом,
а дом — шалаш, — яр-яр...
Невеста, не печалься
и не плачь! — яр-яр...

Жених тебе построят
новый дом, — яр-яр...
И будет много счастья
в доме том! — яр-яр...
Разрушен старый дом —
отстроим вновь! — яр-яр...
Была бы лишь цела всегда
любовь! — яр-яр...»

18

Опять приближается двадцать шестое.

Да,

двадцать шестое!

Вот ужас-то!

Может быть, я ничего не стою,
но изменяет мужество.

Июнь. Тишина. Птичьи трели...

И опять — как тогда,

в апреле?

И опять — как тот страшный рассвет?

Нет!

Слухи, слухи...

Они не от скуки.

Сердце надежды просит!

10

«Говорят, будет баллов восемь...»
— Это правда, приехал Брежнев?
Сердце хочет надежды!
— Говорят, под Ташкентом — лава?
— Тише, тише, не надо паники...
— Ташкентцы, вы — наша слава!
— Землетрясение, брат, — не пряники...
— Говорят, провалился Ташкент...
— Очумел! Все на месте: арыки, сады и улицы...
— Что-нибудь сделают! В век ракет...
— Образуется!
— Да, ей-богу, на месте он, братцы!
Панорамочка хороша!
— Ты откуда?
— Из редакции. С четвертого этажа.
Видю зданье, ЦеКа, Красную площадь...
— Красную площадь?..
Сердце надежды хочет!

19

На улицу я вышел. Там, вдали,
темнели горы, резкие, как дата
беды... Я вспомнил... Да, я был когда-то
долиной, садом, где цветы цвели.
Дома пригрелись на моей груди,
как бы ища опоры и спасенья...
И грянуло оно — землетрясение!
И все смешалось...

Время, погоди!

О этот ужас! Грустен, а не горд,
не понимая, что же дальше будет,
смотрю, став из низины цепью гор,
на ту пещеру, где укрылись люди.
И так, выходит, наша жизнь — весы,
и нынче — не в почете наша чаша?

Земля — опора под ногами пляшет,
 все погибает, полночь бьют часы...
 Зальет вода зеленый добрый луг,
 прекрасный город мой проглотит пропасть.
 О, хоть бы луч надежды, хоть бы проблеск!
 Я напрягаю зрение и слух...

20

Зачем пришел я к зданию ЦеКа?
 И к ручке двери тянется рука...
 Зачем и вы голпитесь, люди, здесь?
 Как будто в этом зданье что-то есть
 такое, от чего нам станет легче...
 Вот чей-то взгляд — и грустен, и доверчив...
 Я сам, наверно, тоже так гляжу.
 Стою. Чего-то жду. Не уйду.
 А все идет тут, как заведено.
 И каждое окно освещено.
 Работают... Что, каменные — все они?
 И не бывает тут землетрясений?..
 Мысль сердцу шлет приказ, простой и краткий:
 они спокойны,
 значит — все в порядке.

21

Я в этот день к поэме приступил,
 ее как долг и веру понимая,
 хотя порой перо мое тупил
 толчок внезапный, руки мне ломая.
 Я верой жил и верую дышал,
 во имя веры страх преодолевая.
 Все крепче я в руке перо держал,
 как мог, себе и людям помогая.
 Я в город шел. К друзьям стучался я.

Не глядя на ночь, заходил к знакомым...
Я знал, чего ишу. Была искомым
сама душа, сама душа моя!
И вот ее я снова обретал:
в пылу работы, грязной и горячей,
в мелодии сурная, в детском плаче,
на улицах, где с детства обитал...
Душа моя, а как я мог иначе?

22

А танки ломали дома.
Летела пыль и щебенка.
Плакал ребенок тонко.
Танки ломали дома.
Ломали так, как на фронте.
Жалели, а все же ломали!
— Что делаете? Не гроньте!
Смяли...
Здесь печка и птичьи гнезда...
Остановить?
Поздно!
Да и нельзя. Что ты плачешь, милая?
Понимаешь сама...

Танки ломают дома.
Ломают цветник,
что к крылечку приник.
Гусеницами по крыльцу —
как по лицу...

Под деревьями вырастают шатры.
На асфальте — горы пыли,
а когда-то здесь были дворы,
а когда-то дома были...

И дом друга, где он говорил
что-то хорошее, что-то важное...
И дом любимой, где я отважно
в первый раз ей цветы дарил
и, вол: уясь, курил...
И моя школа,
и моя парта,
где я сидел с ней, кажется, с пятого...
Да, с пятого класса...
Этот дом,
словно карточный домик,
распался!

А здесь я родился.
Вроде и земля не та...
Долго-долго
будешь ты плакать над могилою дома,
уцелевшая чудом гута...

23

Надо мною чирикает птица.
Ну о чем раскричалась, о чем?
Что не вить ей гнезда, что не виться
над знакомым хозяйским плечом...

Эта бедная птица скучает
о хозяйшкe доброй своей,
что ребенка в коляске качает
и кидает по зернышку ей...

Слушай, птица! Не надо же, птица!
Сам по-птичьи крылато скорбя,
обещаю: как сын, народится
новый дом — для тебя и меня!

Ах, ну зачем я обманул ее!
 Ни в чем не виновата та пичужка...
 И где учился заменять я чушью
 пустою

слово верное свое?

А впрочем, я о крылышках забыл!
 Имей я, скажем, крылья... Ну уж я-то
 взлетать на свой восьмой или десятый
 этаж — ей-богу! — даже б полюбил.
 Так как, согласна на восьмой этаж?
 По крайности птенцов на воспитанье
 кому-нибудь, кто будет в старом зданье,
 что уцелеет, временно отдашь.
 Поверь, я не чинуша, я не лгу...
 Хоть есть средь нас такие...

Все трясется.

Но он не дрогнет, он себе пасется
 теленочком бездумным на лугу...
 Нет, я не так сказал... Едва смогли б
 его мы раньше отличить от прочих.
 А нынче — все клокочет и грохочет,
 все рушится, а он к столу прилип!
 Бумажным душам счастья не суля
 в твердых их бумажных идеалов,
 пошли на них, земля, двенадцать баллов.
 Их надо скинуть.

Скинем их, земля!

В небе стая голубей маячит...
 Говорят в народе: это значит —
 жди землетрясение. Неужели
 это правда? Слышу крыльев шелест,

жду, когда земля вздохнет и дрогнет,
затаится, встрепенется, грохнет!
Но земля спокойна подо мною.
Чувствую тепло ее земное.
Ах, друзья, какое счастье это!
Так, выходит, не верна примета?
Птицы небо обняли в полете,
Птицы, что за песню вы поете?
«Мы — словно радостные вести,
что разгоняют грусти мглу.
И мы всегда летаем вместе —
крыло к крылу,
крыло к крылу!
Кто хочет жизнь грожить, как в песне,
наперекор вражде и злу,
пускай летит с друзьями вместе
крыло к крылу,
крыло к крылу!

Для дружбы нет преград на свете!
И дружбе мы поем хвалу!
Пускай всегда вам дружба светит.
Крыло к крылу,
крыло к крылу!
По всей стране, по всей планете,
в любом краю, в любом углу
пускай всегда вам дружба светит.
Крыло к крылу,
крыло к крылу!..»

* * *

Летали птицы, громко гомоня,
не предвещая ничего дурного,
в спокойном небе города родного,
над грохотаньем трудового дня.

Да, он не отдыхал и не дремал,
наш город, спать отвыкший безмятежно,
как спит младенец, улыбаясь нежно...
Он из развалин сам себя вздымал.
Пока он из окраин вырастал,
в лучах надежд и солнца нежно-розов,
росла гора из пыли и отбросов —
как бы землетрясения пьедестал.
Мы мрамор установим на горе,
чтоб он горел, став памятником вечным,
но вовсе не вещам бесчеловечным,
присущим этой горестной поро!
Не ужасу, могилам и смертям,
не материнской грусти и кручине,
не слабости людской, не злым когтям
землетрясения, — а его кончине!

26

Нет, сегодня земля не тряслась.
Словно кончилась дикая власть
разгулявшихся буйных стихий...
Тихо...
Только не пишутся нынче стихи,
не поется,
не пьется,
сердце словно не бьется...
Только стонет «Гирья»¹
на груди у земли,
что-то жалобно ей говоря...
И земля замерла —
строже древнего храма...
Мы сегодня хороним Гафура Гуляма.
Мы хороним Гафура.
Как все хмуро.

---

¹ Траурная мелодия.

День помечен десятым июля.
Наши плечи рыдания согнули.
Город встанет из праха!

Расцветет все вокруг.

Но перо, что сегодня упало из рук...

Август, двадцать шестое...
Сегодня земля не трясется.
Только двадцать шестое —
приметное все же число.
Пусть на двадцать шестое —
есть логика в этом — придется
окончанье ташкентской поэмы,
всем встряскам назло!
Я кончаю поэму —
и ты свою тоже докончи,
мать-земля! Ты — весенняя трель,
а не дрель!
До свиданья, поэма!
Так что же, земля, ставим точки?..
Город!
Верю в твой светлый апрель.

26 апреля — 26 августа 1966 года.

РОССИЯ

Поэма

Вступление

Год сорок третий. Стужа. Осень.
Шел бой в лесу уже три дня.
Обуглены вершины сосен,
Красны от дыма и огня.
Клочок земли в лесу родимом,
Спасенный нами в трудный час,
Прапахший сыростью и дымом, —
Дороже жизни был для нас.
Казалось, вся страна большая
Вместилась в нем, в клочке земли...
Мы, ни на шаг не отступая,
Три дня неравный бой вели,
И вот в живых осталось двое.
Я с командиром рядом стал
И прикрывал его собою
И, пулей скошенный, упал,
А он взгалил меня на плечи,
Пошел он из последних сил...

«Оставь меня, дышать мне нечем, —
Тревожно я его просил. —
Оставь — уж мне не видеть света...
Ты — командир, себя спасай!»
Взметнулась белая ракета.
Зажегся небосклона край,
И пули застучали градом

По кровле сомкнутых ветвей;
И оба мы упали рядом,
Как пара белых тополей,
И командир мой, за колено
Схватившись, глухо проронал...

Сквозь забытье он неизменно
Передо мною возникал.
Когда на бредущем полете
Неподалеку юнкерс выл,
Склоняясь надо мной в заботе,
Водю он меня поил;
В дорожной мы лежали яме,
Перемешалась наша кровь,
И на меня сго глазами
Глядела верная любовь.

Руками алыми от крови
Я руки друга крепко сжал,
Запнулся на каком-то слове
И вновь сознание потерял.
Очнулся в госпитале... Что же
Произошло? Как я спасен?
Я жив, а тот, что всех дороже,
Мой друг, спаситель — жив ли он?
Жизнь человеку сохранил он,
А сам...

Но где же и когда?..
Я в нетерпении унылом
Входил в деревни, в города,
Искал на каждой я дороге
Потерянного друга след...
И сердце до сих пор в тревоге,
Хотя прошло уж десять лет.

Я знал название селенья,
Где он родился... Сколько строк
Я начинал писать в волненье!
А написать письма не мог.
И часто спрашивали дети,
Что ж вновь писать я не берусь?..
...Узнать, что нет его на свете,
Узнать, что умер он, — боюсь!

Я десять лет живу мечтою
О встрече с другом дорогим.
Его увидеть пред собою,
Беседовать сердечно с ним,
Вновь встретиться руке с рукою,
Вновь встретиться душе с душой, —
Ну как расстанусь я с такою
Своей надеждою большой?
Не лучше ль молча жить на свете,
Надеждой жить немало лет,
Чем задохнуться при ответе,
Что никакой надежды нет?
И годы шли...

В грудях, в ученье

Я жил, и агрономом стал,
И хлопка первое цветенье
Я в Мирзачуле увидал.
А в мирзачульские просторы
С московской, с киевской земли
Шли экскаваторы, моторы,
Уральские машины шли.
Работал друг мой на Урале,
В сибирской вырос стороне.
Друзья оттуда приезжали,
А он — не приезжал ко мне.
Встречал я на него похожих,
И сердце екало в груди;

Я останавливал прохожих,
Но был он... где-то впереди.
Все больше с каждым днем скучал я.
И, наконец, не стало сил —
Подарки скромные собрал я,
Поехать к другу я решил.

1

Вот степи пробежали мимо...
Незыблемый лесной массив
Встает зеленый, нелюдимый,
Ветвями небо обхватив.
Дорога, словно в глубь тоннеля,
В дремучий этот лес вошла,
И по краям ее летели
Два темнохвойные крыла.
Синеют две полоски рельсов,
Стучат колеса: там-там-там!
А лес — раздался, расшумелся,
Раздвинулся по сторонам.
Могучи сосны-исполины,
Их ветви в небеса вросли,
Зазубренные их вершины,
Как море хвойное вдали.
Они шумят... А поезд мчится,
За ним вдогонку — облака.
То луг ромашкового ситца,
То в травах светлая река,
То, словно зеркало в оправе
Зеленой, озеро блеснет...

Навеки быть счастливым вправе.
Кто это озеро найдет,
Кто здесь, под дубом в три обхвата,
Присядет на краю холма,

Макушка пламенем объята,
А у подножья дуба — тьма.
Все это было! Это было
Виденьями лесных чудес!..
В то время солнце заходило,
Лучами был пронизан лес,
И птичья стая с песней звонкой
Кружилась в голубой дали,
И над извилистой речонкой
Березы белые росли...
И золотые, как монеты,
Листочки их при ветерке
Рубинового стали цвета,
И воды вспыхнули в реке.
А я, как будто околдован,
Глаз от окна не отрывал:
Из золота заката скован,
Мир сказок предо мной вставал.

2

И песня о моей России
Росла в сердечной глубине...
Вдруг поезд встал.

Места глухие.

Разъезд. Сходить тут надо мне,
И я сошел... Стою среди леса
Совсем один... Куда свернуть?..
Лес — как зеленая завеса,
Ее раздвинул поезд чуть,
И ниткой золотой сквозь ели
Мелькнув, из глаз моих исчез...
Сгущались сумерки, темнели,
Вокруг меня смыкался лес.
Я на гору взошел. Оттуда
Заря была еще видна,

На взгорье, как лесное чудо,
Стояла девушка одна.
И девушка, и лес, и солнце
Вечернее — передо мной!
...Казалось, все сейчас качнется,
Зеленой поднято волной,
Качнется и исчезнет песней...
Протер глаза — нет, не во сне! —
В красе дремучей, неизвестной
Сама Сибирь открылась мне.
Нет солнца. А над лесом небо
Желтеет в отсветах лучей.
Тому, кто никогда здесь не был,
Земная красота видней.
И я, как богатырь былинный,
Безмолвно на распутье встал,
За темною лесной низиной
И за селеньем наблюдал.

3

Заря сторела в сером мраке,
Померкнул в небе желтый свет,
И серо-серебристый цвет
Приобрели ручьи, овраги,
Присгаиваясь на ночь птицы
Взлетали в сумраке с кустов...
О, сколько красок и тонов
Кругом меняется, гаится!
Повеял свежий ветерок,
Погладил травы на полянах,
Над тесом серых деревянных
Домов — сиреневый дымок.
И гулкое мычанье стада
Ко мне с низины донеслось...
О друге тут спросить бы надо?

Не это ли — его село?
Быть может, тот старик могучий
Со светло-русой бородой —
Его сосед, приятель лучший...
А может быть — отец родной?

А девушка, что повстречалась
На ближней станции со мной
И вновь на тропке показалась
С корзинкой ягоды лесной, —
Быть может, родственница

или

Сестренка друга моего?
Спрошу?.. Но губы не спросили,
Я не сказал ей ничего.
Она взглянула тихо, строго,
С заботой, спрятанной в глазах,
Сказала: «далека дорога...
Смотри, не заблудись в лесах!»

4

И мне в простом ее привете
Почуялся глубокий смысл:
Мол, заночуй в селенье этом,
В дорогу, путник, не стремись!
Дверь дома русского открыта
Для всех, кто к нам идет с добром.
Россия наша знаменита
Своим радушьем и теплом.
И я подумал: неужели
На новом для меня пути
Мне заблудиться в самом деле.
Себе приюта не найти?
Нет! В дом любой я мог войти бы,
В любой семье найди друзей...

Сказал я девушке: «Спасибо!
Не заблужусь в стране своей!»
Она с улыбкой молодою
Опять взглянула. И ушла.
Глядел я вслед, как шла тропюю
Она до самого села...
...Не сердце ли мое с собою
Она в корзинке унесла?..

5

Быть может, это от сиянья
Окрестной тихой красоты
Полны такого обаянья
Прошедшей девушки черты?
А может, потому со мною
Так много света и тепла,
Что здесь тропинкою лесною
Такая девушка прошла?
Любая веточка стремится
Неслышно прикоснуться к ней,
И речка ыстрая гордится
Веселой спутницей своей,
И свежий ветерок, порхая
За ней, куда бы ни пошла,
Землей гордится, где такая
Красавица жила, росла.
И солнышко сквозь листья дуба
Поглядывает поутру —
Ему взглянуть, конечно, любо
На младшую свою сестру.
И пьющая настой прохлады
Вечерней
        травка под ногой, —
Все в этом мире были рады
Хорошей девушке такой!

6

Красавиц — ну каких я только
Не видел на веку своем!
Благоговел пред станом тонким,
Бледнел пред розовым лицом,
Боготворил глаза и плечи,
И брови я боготворил,
Красавиц умных слушал речи.
И собеседником их был,
Но статуей казалось тело,
Как мрамор, не влекло меня,
Коль в красоте той не горело
Тепло сердечного огня.
О нет, не в яркости наряда,
Не в украшениях красота.
Она не прячется от взгляда
Она естественна, проста.
Она вот так, в полусапожках,
В линялой кофточке пройдет.
Белеет пыль на быстрых ножках,
И на щеках — заря цветет.
Чем, девушка моя, взяла ты,
Что позабыть тебя не смог,
Что всех красавиц вместе взятых
В тебе таятся огонек?
...Она глядит с улыбкой ясной,
И синие глаза чисты...
Да, девушка была прекрасна
Тем, что превыше красоты!

7

Не эта ль девушка с любовью
Мне возвратила жизнь мою,
Когда я обливался кровью
И был у смерти на краю?

Умелой маленькой рукою
Мне бинтовала грудь она
И в госпитале надо мною
Сидела по часам без сна.
Мне материнскою заботой
Напомнила она кого?..
Большого, доброго кого-то...
Быть может, друга моего?
А может, партизанка Зоя
Оставила в наследство ей
И мужество свое святое,
И нежность юности своей?..
И, может быть, совсем недавно
У золотистого гумна
В честь трудовой победы славно
Певала меж подруг она?..

Вошел я в темный лес еловый,
Охвачен светлою мечтой
Об этой путнице веселой
С открытой русской душой.
И юность в памяти вставала...
В родной узбекской стороне
Впервые Пушкина читала
Моя учительница мне —
Анна Васильевна... Сквозь дали
Степей и гор, лесов и рек
Мне вслед глаза ее сияли,
Участьем прежним ободряли,
Незабываемым вовек.

Все это вспомнив, я навеки
Постиг загадку красоты:
Лишь в преданности человеку,
В любви к нему — ее черты.

И, словно этот лес зеленый,
Объятья мне раскрыл свои
Характер русский, непреклонный,
Прекрасный в дружбе и любви.
А лес от края и до края.
Шумел на тысячи ладов,
Шумел, со мною повторяя
Созвучья пушкинских стихов.

8

Я шел и шел, не замечая
В раздумье тропки под ногой...
И ветер, ветки раздвигая,
Как спутник, следовал за мной.
Внезапно струи заплескались:
Речушка прячется в траве,
Шумит... От речки отделялись,
Как две руки, гропинки две.
Я стал на гладкий белый камень
И зачерпнул воды рукой,
И долго воду пил глотками
Из этой реченьки лесной.
Она у ног моих струилась,
В зеленой тишине дыша,
То как мечты мои, кружилась,
То вдруг вскипала, как душа,
И клочья пены приставали
К корням у низких берегов...
В овраге птицы закричали,
Заворошились меж кустов,
И стать мне захотелось птицей,
Чтоб всю Россию облететь,
Над домом друга опуститься
И песню радости запеть.

Вот луг, луною освещенный,
Открылся с левой стороны,
А справа — лес. Он как зеленый
Блестящий сарафан луны.
Его оставив над рекою,
Луна по берегу прошла,
Сверкнула голой белизною,
Нырнула в воду, поплыла.
Ночное небо забелело,
Трава бела, река бела,
И чья-то песня долетела
Ко мне из дальнего села.
Неслышно ветви закачались...
Быть может, там, в лесной тени,
Русалки над рекой собрались,
Смеются и поют они?..
А песня с нежностью заветной
Вела протяжные лады.
Она жарка, как полдень летний,
Звонка, как плеск речной воды,
Прозрачна, как меж сосен воздух,
И задушевно хороша,
Как это небо, небо в звездах,
Как в дружбе русская душа!
Как волны золотого хлеба,
Широк напев ее, искрист...
Неслышно подойти к тебе бы,
Веселый парень гармонист,
Глаза свои прикрыть рукою
И ночь прослушать напролет,
Как льется песня над рекою,
Как сердце русское поет.

Замолкла песня. Вместе с ней
 Луна из глаз мгновенно скрылась,
 Ночь потемнела, притаилась,
 А лес все глуше, все тесней...
 Нет ни лужайки, ни реки,
 Тропа пропала под ногою,
 И поглощаются шаги
 Ночною плотной тишиною.
 И вдруг — внезапный треск и гул,
 Как будто бы огромный кто-то
 С дороги дерево свернул
 И вот — выходит на охоту.
 Я вслушиваюсь, оробев
 И чувство времени теряя...
 Наверно, так голодный лев
 Рычит, средь зарослей блуждая.
 А шум лесной то здесь, то там
 Растет... И в суматохе, в гаме
 Шныряют птицы по кустам,
 В испуге хлопая крылами.
 Проснулся лес — и ну реветь,
 И тьма растет перед глазами...
 Наверно, это был медведь,
 В лесах сибирских он хозяин.

11

Зачем ушел я и во тьме
 Один в дремучий лес пустился?..
 Ведь девушка сказала мне:
 «Не заблудись!»
 ...Я заблудился!..
 И в темной роще, в тишине,

Где снова стали звуки глухи,
Припомнил я, как на войне
Был гостем у одной старухи.

Калитку ночью отворив,
Она меня поцеловала,
Руками плечи обхватила,
Как сына, к сердцу прижимала,
Не спрашивая ни о чем,
Проговорила: «Будь как дома...»
Я был ей с виду не знаком,
Зато шинель была знакома.
«Анюта, — дочку позвала, —
Зсе, что в печи, — на стол скорее!»
И у дубового стола
Сидел я с дочерью и с нею.
Картошка, соль да хлеб ржаной —
Вот все, чем рады и богаты!
И всматривалась мать с тоской
В лицо прохожего солдата.
Вдыхая запах сундука,
Я на пуховой спал перинке...
...О вкус парного молока
Из глиняной холодной кринки!
И материнский добрый взгляд,
Как на иконе — в темных веках...
Ее сынок, ее солдат
Был не похожим на узбека,
И с девушкой, как с сестрой,
Я шел без всякого смущенья,
Она махнула мне рукой,
Прощаясь на краю селенья.
И деревянный добрый дом
В лесу привиделся мне этом,
С незанавешенным окном,
С далеко видимым тихим светом.

И страх пропал... Солдату мира
 Любые тропы нипочем,
 Весь мир земной — его квартира,
 Его большой иль малый дом.
 Коль ты идешь с добром и миром,
 То ты — всем добрым людям брат.
 Спасенный другом-командиром,
 Его любовью я богат.
 Кто я? Простой узбек безвестный,
 А он от смерти спас меня.
 Вошел в горящий ад железный
 И вынес друга из огня.
 Что думал он, когда за друга
 Душою жертвовал своей?
 Вдовую оставлял подругу,
 Сиротками — своих детей,
 И все-таки... Большой душою
 Он одарил меня навек!..
 Сквозь русский лес
 его тропю,
 Тропой любви идет узбек.

Как будто долг военной службы
 В разведку, в ночь меня зовет,
 Рука святой солдатской дружбы
 Остановиться не дает.
 И птицы мне кричат в тревоге:
 «Иди скорее — друг твой жив!»
 И ветки стелются под ноги,
 Тропу в чащобе мне открыв.
 И звезды, как перед свиданьем,

Не прячут света своего,
И ветер кажется дыханьем
Сергея, друга моего.

14

А шум в лесу все нарастает...
Я прямо на него свернул —
Что это? Ураган мужает?
Или землетрясенья гул?
Гремят громовые раскаты,
Свет словно молния вдали.
И сосны в полтора объёма,
Обрушась, на землю легли.
Как травы скошены, рядами
Они лежат передо мной,
Поверженные не громами,
А мощной техникой людской.
Казалось, лес и глух и темен,
А даже поздней ночью тут
Ты чувствуешь, что мир огромен
Что всюду — человек и труд.

15

Вродил я по лесным дорогам,
Прошел я сотни верст пешком,
Работал с лесорубом строгим,
Сидел с веселым пастухом
Беседовал со стариками, —
Сибирский иней в бороде!
Где б ни бывать нам — люди с нами,
Друзья и спутники везде!
А стариков люблю я с детства,
Суровых, мудрых и простых,

Как бережно они наследство
Хранят для правнуков своих!..
Живой историей народа
Они по праву сочтены,
Родоначальники свободы
И революции сыны.

16

Летает свет по мшистым кручам,
Ночное небо осветив,
И дарит жизнь лесам дремучим
Гудков заботливый призыв.
И рыбаки не спят в затоне,
И пастухи в лугах не спят,
И у причалов грузов тонны,
Готовые отплыть, стоят.
Не спят в ночи заводов трубы
И пароходов огоньки,
И валят сосны лесорубы,
Матерые сибиряки.

17

Я вышел из лесу... Разливы
Хлебов застлали ширь земли.
С песками цветом схожи нивы,
Колышутся в ночной дали.
За ними, под горой, — селенье
И лес зубчатую стеной.
Все, как картина, на мгновенье
Вдруг засияло под луной;

И облаками затемнились
Сарай, и ферма, и село.

Одни края горы светились,
Как бы в снегу, белым-бело.
И только лампочки во мраке,
Играя в стеклах парников,
Мерцали, радостны и ярки,
Соцветьем пестрых огоньков.
Ко мне донесся гул комбайна
И запах близкого дождя...
Спокойно все кругом и славно,
И прав я был, сюда придя.

18

А в озере луна с откоса,
Как будто в зеркале, блестит.
И верба, распутивши косы,
Над ним, как девунка, стоит
Она качается, и тени
Качаются... А я сижу
И отдаюсь дремотной лени,
Бездумно в озеро гляжу...
Вдруг я заметил дуб суровый,
Взобравшийся на косогор,
И тут припомнил слово в слово
Давнишний с другом разговор.
...Ночь. Темень. Залпы огневые.
Дубовый блиндажа настил.
Сергей Иванович впервые
Вдруг о себе заговорил:
— Нет, дуб не сдаст, — сказал он с искрой
Шутливой, — он тому родня...
— Какому?
— Да в тайге сибирской
Есть дуб знакомый у меня.
Над озерком с водой зеркальной

Стоит он на юру крутом.
Под ним однажды мы с Татьяной
Сидели до утра вдвоем...
Там клятву верности мы дали,
Признались в дружбе и любви
И ранним утром написали
На дубе имена свои...
И я вскочил, как на пожаре,
И к дубу бросился бежать,
Стал по коре замшелой шарить,
Родные имена искать,
И—не нашел их... Но в волненье
Поверил всей душою вдруг,
Что это вот и есть селенье,
В котором мой родился друг.

19

Я шел к селенью. Все знакомо
Казалось мне до мелочей,
Из каждого, казалось, дома
Сейчас появится Сергей.
Мечты мои к нему летели.
Как будто ласточки к гнезду.
А ноги словно онемели,
Окаменели на бегу.

Как по крутым пескам, шагали
Они по травам, полным рос...
И тяжелы внезапно стали
Подарки, что я другу нес,
Платок казался мне неярк,
Несладок сделался урюк...
Ведь друг мне жизнь принес в подарок!
Чем отплачу тебе я, друг?

Но вот загрохотал простор,
Как будто камни катят с гор,
Сверкнула молнии коса,
Как бы надрезав небеса,
И в пыль проселочных дорог
Упали капли: цок-цок-цок;
Тревожно зашумев во мгле,
Пригнулась низко рожь к земле,
Как будто пряча от струи
Колосья спелые свои;
А ливень уж не ливень — шквал!
Так налетел, так заблестал,
Что и под деревом не смог
Найти я крова — весь промок.
К дверям сарая побежал...
В дверях седой старик стоял.
В свое раздумье погружен,
Меня и не приметил он.
Со щек на грудь текла вода,
Рекой струилась борода, —
Он ничего не замечал,
Он, стиснув кулаки, молчал,
Как будто бы не ливень — плеть
Его стегала по спине...
...Вот так же хлопок свой жалеть,
Бывало, приходилось мне.

Я поздоровался. Впервые
Назвал я имя друга тут...
Шумят потоки дождевые
И с крыш по желобкам текут,

И жадно впитывает воду
Большая, жаркая земля...
Миг показался равен году —
Так ожидал ответа я.
Старик почтительно промолвил:
«Ну как же... Есть у нас такой!»
О всех отличьях друга вспомнил,
О доброй славе трудовой.
И под конец осведомился,
Где я встречался с ним и как.
На фронте?.. Тут он удивился:
«Постой, постой... Не тот земляк!
На фронте-то Сергей наш не был.
Не он с тобою был, другой...»
...И словно покачнулось небо,
Глаза мои застлало тьмой.
Но голос слышится мне снова,
Гудящий как далекий дождь:
«Ну что ты, что ты!.. Ивановых
Тут много, своего найдешь!»

К сараю подошла машина,
Я в кузов сел со стариком,
И он рассказывал мне длинно
Своим басистым говорком
О всех Сергеях Ивановых,
С которыми бывал знаком...
Луна из-за ветвей кленовых
Вставала над грузовиком.
И вдруг сказал старик: «Поверь мне,
Теперь я вспомнил: твой Сергей
Приехал к нам в село наемни
Из Братска за семьей своей.
Пришел он с фронта: глаз стеклянный.
Шинель враспашку, ордена!
На ГЭСе — инженер он главный.

Его заслуги чтит страна,
Живут они далековато,
К тому же... Ну, ты видишь — дождь!
Заеду на пути обратном
За ним, а ты здесь переждешь.
Входи в мой дом и будь спокоен:
Зерно я сброшу и назад!»
...Тесовый домик ладно скроен,
Крыльцо резное, палисад...
Послушно я с машины слез,
И грузовик из глаз исчез.

22

Сижу один в пустой избушке.
Дождь за окошком льет и льет,
А мне тепло, как на опушке,
Где солнце вешнее печет.
Глаза закрою — предо мною
Мой друг, я рядом с ним сижу,
А через миг глаза открою,
На фотографии гляжу.
И вдруг лицо в раскосых веках
Из полумрака вырвал свет —
Ведь это юноши узбека
Фронтовика висит портрет!
Кто он?.. Мне показалось сказкой,
Что в это он попал жилье —
Товарищ девушки уральской
Или возлюбленный ее?..

23

И сразу в памяти возникла
История любви одной.

Перед ней душа моя поникла,
Подавленная стариной.
Однажды с девушкою русой
Случайно встретился узбек,
Он верен был подруге русской,
Она — верна ему навек.
И что же получилось? Что же?
Любовь их к смерти привела:
Ведь разным был оттенок кожи,
И вера разною была.
Пришлось им от людей скрываться.
Таить любовь свою пришлось!
Нельзя друг к другу приласкаться,
Коснуться милых рук, волос.
Грозили им, их проклинали,
Их разлучили, — мол, терпи!..
И в степь влюбленные бежали,
И жили без людей в степи.

Любовь — свой у нее обычай,
Она свободна и сильна!
...Но был загублен век девичий,
Попала в монастырь она.
А юноша замучен ссылкой.
Погибли оба... Или нет?..
И я с невольною улыбкой
Гляжу на земляка портрет.

24

Земляк мой, — в этот дом с тобою
С узбекской солнечной земли
Пришли далекою тропею,
Но зову сердца мы пришли.
Мы худошавы темнокожи,
А люди тут белы, статны...

Но с ними мы душою схожи,
В любви и дружбе им равны.
Меня тут встретили как сына,
Я охраняю этот дом!
Я сплю... А темная равнина
Шумит под проливным дождем.

25

И утро с мокрою травою,
С промытою дождем листвою,
Небес нежнейших синевую
И темно-розовой зарей, —
Такое утро, вот оно
Глядит в открытое окно!
В прозрачном воздухе душистом
Щебечут птичьи голоса,
Над спелым хлебом золотистым
Шумят сосновые леса.
Нет ни дождинки, ни пылинки.
Тишь на земле и в небесах.
Как бусы, круглые росинки
Блещат в зеленых лопухах...
И на плетне у пчеловода
Петух с оранжевым хвостом
Запел, встречая час восхода,
Перекликаясь с соловьем.
Старушка гонит хворостиной
К воде гогочущих гусей,
И от воды глубоко синей
Их белизна еще белей.
И белка на дубовой ветке
Кокетничает поутру,
Поглядывает, где соседки,
Чтоб с ними завести игру.
А на вершине дуба пышной

Зажегся первый блеск лучей..
...Вдруг отворилась дверь неслышно —
И в комнату вошел Сергей.
Я кинулся к нему как птица,
Мы обнялись... Издалека
К родному морю так стремится
И с ним сливается река.
И десять лет моей печали
Я рад за этот миг отдать.

Лишь тем, кто счастье потеряли
И вновь нашли, — меня понять!

Ведь это он на самом деле,
Мой друг со мною, жив-здоров!
...И прямо в душу поглядели
Россия, родина, любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

„Готов сгореть я и испепелиться...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	5
„Коль стрелок нет в часах, не все ль равно..“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	6
Тигренок. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	7
„Вот плала с вином над нею мотылек...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	8
„Любовь порой нас мучила и очень.“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	9
„Коль в силе враг и не твоя взяла...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	10
„Не тот из нас воистину велик...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	11
„Мы на луне отсюда видим пятна...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	12
„Родник подроешь—полнится вода...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	13
„Джигит, чье сердце от любви сгорает...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	14
„Любовь в сердцах, как на стекле узор...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	15
„Пусть я не знаю: друг ты или враг...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	16
Счастье и радость. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	17
„Какой нам в детстве день всего черней?..“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	18
Женщины. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	19
Воронь. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	20
Сумерки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	21
Моя звезда. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	22
„Любовь порой, как облако, легка...“ <i>Перевод Н. Гребнева</i>	23
Ребенок. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	24
„Я до рассвета не засну...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	25
Любимая. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	26
„Порой мне снится по ночам змея...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	28

„Захромал я... Пришел мне на помощь...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	29
„Как вспомню юность—вспоминаю мать...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	30
„Смотрю со скал на землю, как орел...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	31
„Почему ты нынче... так печальна...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	32
„Тот, говорим мы,—лев, тот—тигр...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	33
„Благословите бога...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	34
„Опять в этой роще джиды...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i> . . .	35
„Их волосы белы и бороды белы...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	36
„Чем маму отблагодарю...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	37
„Есть тайна любви. Мы с тобой заговорщники...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	38
„Разбудил я сына на рассвете...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	40
„Есть волшебство в нехитром венчике...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	41
„Я по белому полю на лыжах лечу...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	42
Жажда и цепи. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	45
„Приходит весна, увядают цветы...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	46
Сердце. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	47
„Грянул гром, хлынул дождь с небес...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	48
„Что станет с миром в будущем, потом...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	49
„И старец седой, и мальчишка любой...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	50
„Хотел в саду сорвать я розу...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	52
„Вдоль арыка я сажаю ирисы...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	53
„Не обижай, бездумно обижать...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	54
„Нам только ночами...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	56
„Что спорить о верности? Верность—как вера...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	58
„Провожал соседа я в дорогу...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	59
„Люблю с друзьями спорить до утра...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	61
„Как душа человека хрупка!...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	62
Лето. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	63

„... Зря ты этого поэта считаешь простаком...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	64
„Солнце стало в небе посторонним.“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	66
У Мавзолея. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	67
Янгнер. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	68
„Всегда всего прекрасней новизна...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	71
Сон. <i>Перевод Р. Казакова</i>	73
„Я в Джизак приехал на рассвете...“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	75
Русской красавице. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	77
Похвала. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	79
„Эй, парень, слушай, что с тобой?..“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	81
Письма. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	83
Осень. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	86
„Пускай мы спорим, что за горе?..“ <i>Перевод Р. Казаковой</i>	87
Отец. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	89
Колыбельная. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	91
Благородство и зло. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	93
Водопад. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	95
Случайность. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	97
Ты—все. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	98
Почетный караул. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	100
На берегу моря. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	101
Рождение стиха. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	103
О стихе моем. <i>Перевод Ю. Разумовского</i>	106

П О Э М Ы

Ташкент, двадцать шестое. <i>Перевод Р. Казаковой</i>	109
Росня. <i>Перевод С. Сомовой</i>	130

ШУҚРУЛЛО

ЛИРИКА

Стихи и поэмы

Перевод с узбекского

Редактор В. Шевченко
Художник А. Кива
Худ. редактор И. Цыганов
Тех. редактор Н. Джураева
Корректор Т. Красильникова

Сдано в набор 10/1-75 г. Подписано в печать 18/III-1975 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд л. 4,8. Тираж 10.000. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма. Ташкент. Навои, 30. Договор № 196-74.

Отпечатано в типографии им. Морозова Государственного комитета Совета Министров УзССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли на бумаге № 1. Самарканд. Кузнецкая 82. Заказ. № 155. Цена 68 к.

Шукрулло.

Лирика. Стихи и поэмы. Т., Изд. литературы
и искусства, 1975.

160 с.

В эту книгу включены лирические стихи, раскрывающие богатство внутреннего мира советского человека, воспевающие труд, красоту родной земли. Завершают сборник поэмы „Ташкент, 26 . . .“ и „Россия“. Переводы осуществлены известными мастерами А. Наумовым, Н. Гребневым и Р. Казаковой.

Уз2

Ш $\frac{70403-94}{352(06)-75}$ 88-75